ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 66 (2449) Среда, 18 августа 1948 г. Цена 40 коп.

Закон движения вперед

В нашем победоносном движении к коммунизму особая роль принадлежит критике и самокритике. Товарищ Сталин неоднократно подчеркивал, что без критики двигаться вперед нельзя. «Эта истина чиста и прозрачна, как чиста и прозрачна ключевая вода... Критика и самокритика — ключ, при помощи которого мы вскрываем и устраняем недостатки социалистического строительства и движемся вперед. В этом секрет нашего прогресса».

Важнейший метод своей работы—критику и самокритику — партия большевиков поставила на службу социализму, превратила его в закон развития нашего общества. Советский народ обладает оружием, помогающим раскрывать и преодолевать противоречия, существующие в социалистическом обществе. В противовес антагонистическим классовым противоречиям у нас существуют противоречия роста, неуклонного движения вперед.

Могучая движущая сила развития нашего общества — критика и самокритика — является качественно новой формой борьбы между старым и новым, отмирающим и нарождающимся. Словно яркий луч света, она освещает то, что тормозит наше развитие, помогает преодолению пережитков капитализма в сознании советских людей.

Критика и самокритика органически связаны с природой нашего социалистического общества, с революционным духом большевизма. Маркс в свое время указывал, что пролетарская революция том, между прочим, и отличается от всякой другой революции, что она, сама себя критикуя, укрепляется.

Поэт революции Маяковский писал:

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
критика
дрянь
косила, —
и это
лучшее из доказательства
нашей
чистоты и силы.

Самокритика — это выкованный коммунистической партией метод воспитания нашего народа в духе поступательного революционного развития. Это — высокая принципиальная оценка своего труда советскими людьми, честное и безбоязненное вскрытие ошибок и недостатков в работе всех и каждого.

В самых различных проявлениях нашей жизни мы чувствуем и наблюдаем, в какой острой борьбе завоевывает свои позиции все передовое, творческое, новаторское и отступают косность, отсталость, рутина.

Критика пронизывает всю нашу жизнь снизу доверху — в цехе, на полевом стане, в научно-исследовательском институте, в коллегии министерства — всюду, где трудится советский человек.

В капиталистическом обществе лжи и насилия боятся света и не терпят критики. Социализм приветствует критику и превратил ее в величайшее средство товарищеской взаимопомощи и движения вперед.

Демократия и самокритика неотделимы. Только в нашей стране, стране полного расцвета демократии, критика и самокритика носят массовый, всенародный характер, и к активной политической деятельности приобщены миллионы трудящихся. Критика снизу является действенным средством привлечения масс к управлению государством.

Замечательной формой деловой критики и самокритики является социалистическое соревнование, выступающее против устаревших методов и норм труда.

В основе творческой инициативы миллионов лежит стремление двигаться вперед, к новым, высшим достижениям. Отсюда развернувшееся всенародное движение за пересмотр сроков пятилетнего плана, за выполнение пятилетки в четыре года.

Коммунистическая партия и советское правительство всю свою деятельность строят на революционной, смелой, безбоязненной критике и самокритике.

Ярким прожектором беспощадной критики партия и правительство вскрыли глубокие нарушения Устава сельскохозяйственной артели, нарушения, тормозившие послевоенное колхозное строительство.

На философской дискуссии и на сессии Академии сельскохозяйственных наук острие большевистской критики было направлено против серьезных ошибок, имевших место в области идеологической работы и науки, ошибок, представлявших большую опасность для развития социалистической культуры.

На совещании деятелей советской музыки, в решениях ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров партия весь свой огонь направила против забвения великого марксистско-ленинского принципа партийности в искусстве.

В стране нашей происходит процесс воспитания всего советского народа в духе принципиальной большевистской критики и самокритики. Коммунистическая партия учит нас критическому отношению к своему труду. Под воздействием товарищеской деловой критики наши люди подтягиваются, становятся более требовательными и бдительными, серьезнее, основательнее и глубже подходят к порученному им делу.

В советской литературе есть удачные попытки показать благотворную воспитательную силу критики и самокритики. А. Колесов в рассказе «Самокритика» изображает исправление оторвавшегося от народа колхозного руководителя Степана Квашнина. На общем колхозном собрании Квашнина подвергают критике. «Вот,—говорит ему одна из колхозниц,—довел себя до того, что сидишь перед всем народом, как мимоза». Квашнин осознает свои ошибки, и светлеет на душе его и чувствует он себя обновленным.

Жизнь наглядно показала, какую огромную пользу принесли нашим творческим работникам критические указания ЦК ВКП(б), выраженные в исторических решениях по идеологическим вопросам. ЦК ВКП(б) указал на нетерпимые факты, когда критика и самокритика были в загоне и не использовались как основной метод борьбы со всем отсталым, консервативным, с влиянием буржуазной идеологии, то-есть со всем тем, что тянет нашу социалистическую культуру назад. Тов. Жданов указывал: «Без критики любая организация, в том числе и литературная, может загнить. Без критики любую болезнь можно загнать вглубь и с ней труднее будет справиться. Только смелая и открытая критика помогает совершенствоваться нашим людям, побуждает их итти вперед, преодолевать недостатки своей работы».

Большевистская критика и самокритика явились основным методом воспитания наших писателей, сыграли свою роль движущей силы «в развитии социалистической культуры. Успехи советской литературы, достигнутые после решений ЦК ВКП(б), ярко и убедительно говорят о той серьезной школе, которую прошли работники идеологического фронта на критике своих ошибок.

Игнорирование критики, пассивное отношение к ней есть типичные проявления остатков буржуазной идеологии в сознании отдельных наших работников.

Товарищ Сталин учит нас, что есть один путь воспитания советских людей — это путь критики и самокритики, являющихся «душой большевистского метода воспитания кадров» (Сталин).

Во все поры нашего общества должна проникнуть глубокая и деловая, действенная и принципиальная критика, отнюдь не ограничивающаяся поверхностной констатацией фактов или признанием отдельных ошибок.

Задача состоит в том, чтобы повседневно и ежечасно вскрывать причины, порождающие недостатки, и энергичной практической работой устранять их.

В литературной среде еще живучи привычки к приятельским отношениям, сильны чувства самоуспокоенности и благодушия, любовь к «тихому», «семейному» обсуждению ошибок и недочетов. Нет еще в наших рядах горячей взволнованности и беспокойства за творческие судьбы каждого писателя и критика, за их работу, за их «место в рабочем строю».

Только на основе мудрых указаний коммунистической партии, развертывая большевистскую критику и самокритику, мы добьемся успехов в под'еме социалистической культуры и достойно выполним свой патриотический долг перед Родиной.

Содружество мичуринской науки с колхозной практикой

— Колхозы и совхозы Украины, применяя на практике самое передовое и действенное мичуринское учение в биологической науке, добились высоких урожаев на больших площадях, — заявил в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» академик И. Д. Колесник.

В соответствии с постановлением февральского Пленума ЦК ВКП(б) на Украине намечалось получить урожай проса в 1947 году по 15 центнеров с гектара на площади в 300 тысяч гектаров. Колхозы и совхозы республики, применяя научные советы академика Т. Д. Лысенко, сняли в прошлом году такой урожай с площади свыше 750 тысяч гектаров.

В Киевской области на площади в 200 тысяч гектаров получен урожай в среднем по 16 с лишним центнеров с гектара.

— Высокие урожаи проса, — подчеркивает ученый, — стали уже не исключением, не отдельными рекордами, а массовым явлением. Многие колхозы в нынешнем году далеко превышают урожаи прошлого года. Колхозники артели «Пролетар» Киевской области сейчас считают для себя нормальным урожай проса по 50 центнеров с гектара.

Новаторы колхозной деревни не ограничиваются внедрением передовой агротехники. Их творческая мысль неустанно ищет и новые средства механизации труда. В частности, председатель колхоза «Пролетар» С. Кузнец сконструировал специальный культиватор для обработки широкорядных посевов проса. Его конструкция нашла применение в колхозах республики.

Отдельные колхозники-опытники и научные сотрудники Украинского филиала Института кормов (Полтава) уже в прошлом году доказали возможность получать второй урожай проса без вторичного посева— за счет отрастания стерни после снятия первого урожая. Так колхозники помогают науке решать вопросы большого теоретического значения. В данном случае новаторы сельского хозяйства на практике подтвердили известную мысль великого преобразователя природы И. В. Мичурина о том, что человек, меняя условия жизни растения, заставляет его приносить более продуктивную пользу обществу. Здесь новая агротехника проса, в частности широкорядный посев, способствует образованию настолько мощной корневой системы, что стерня, как оказывается, способна давать второй урожай.

— Исключительно важную тему в этом году, — говорит академик И. Д. Колесник, — разрабатывают на полях специалисты и колхозники Дымерского района Киевской области, борясь за резкое повышение урожая гречихи. Применив новые приемы агротехники, разработанные для этой культуры, дымерцы на площади в 2.800 гектаров вырастили в среднем по 12 центнеров с гектара. Урожай втрое превысил обычный дотоле в этом районе!

Район дополнительно получил 140 тысяч пудов гречихи.

В процессе опыта была правильно подготовлена почва, выбран наилучший срок сева, применен широкорядный способ, использованы отборные семена, уменьшена норма высева (высевалось по 40 килограммов на гектар)

В содружестве с мичуринской наукой труженики полей колхозов и совхозов Украины уверенно борются за высокие урожаи на больших площадях. Выдающихся результатов добились Герои Социалистического Труда Иван Половков, Елена Хобта, Мария Лысенко и многие другие.

ШАХТЕРЫ

Павел НИЛИН

Специальный корреспондент «Литературной газеты»

1.

Между дневной и ночной сменой есть благодатный предвечерний час, когда можно посидеть против шахты в садике, покурить, подумать, обсудить, если надо, кое-какие дела с товарищами, посмеяться над смешным.

Томительная дневная жара августа спадает в эту пору, и потемневший к вечеру кустарник изливает душистую прохладу. Благо шахта расположена в живописных местах — между Москвой и Тулой, среди зарослей орешника и липы, у медлительной реки.

За рекой в этот час идет косовица, и легкий ветерок разносит далеко по округе аромат свежескошенных хлебов.

У самой шахты аромат этот смешивается с горклым запахом дымящейся породы. Лязгают вагонетки, подвывают моторы, шуршат конвейеры. На под'ездных путях грохочут железнодорожные составы.

Пение птиц в кустарнике заглушается этим шумом. Но птицы все-таки поют. И за рекой настойчиво, неокрепшим голосом ржет жеребенок, и мычат коровы, и где-то совсем близко, спутав обычное свое расписание, горланят петухи.

Все как будто смешалось здесь — и запахи, и звуки, и пейзаж, и, может быть, даже чувства. Ведь в садике против шахты сидят в большинстве своем вчерашние крестьяне, совсем недавно пришедшие из-за реки, где колхоз, и из других колхозов, раскинутых по всей необ'ятной стране.

Подмосковный бассейн, расширяясь, вбирает в свои границы все новые площади. И профессия шахтера становится все более популярной в этих местах.

Впрочем, и раньше, еще пятнадцать и двадцать лет назад, на старые шахты Подмосковья охотно приходили крестьяне. Особенно глубокой осенью после окончания полевых работ. Профессия шахтера позволяла в те времена даже человеку малоподготовленному добыть за короткий срок значительные деньги. И крестьянин, пришедший на шахту накануне зимы, ставил себе чаще всего одну задачу — подработать на коня или на коровенку, а по весне уйти обратно. На шахте оседало обычно не так уж много деревенских людей, да и те, кто оседали надолго и не уходили домой по весне, все-таки в пору косовицы стремились в деревню. Даже Донбасс, где постоянных кадровых шахтеров всегда было больше, чем где-либо, крайне зависел от сезонных «приливов» и «отливов».

На многих шахтах из-за этого расстраивались все планы. Весной и летом добыча угля падала. И некоторые недальновидные хозяйственники выводили заключение «о неизбежности сезонного спада добычи угля».

На шахтах когда-то пришлые рабочие почти всегда держались особняком. Их обычно не интересовали ни планы развития производства, на котором они сейчас работают, ни даже бытовое устройство. Как временные жильцы, они были озабочены только своим заработком.

— Ведь я-то тут, на шахте, а душа-то моя не здесь, она дома, под Воронежем, — говорил, бывало, такой пришелец, впадая в откровенность.

И никакими способами невозможно было удержать такого человека на шахте, когда пахучий ветер поманит его домой, в деревню, особенно в пору косовицы.

Ведь там, в деревне, — родня, свое гнездо, годами нажитое имущество, и косовица решает успешную жизнь всего года. Все разговоры, все помыслы пришлых шахтеров были связаны со своим домом, со своей коровенкой, оставленной дома или живущей еще только в замысле.

2.

И вот сейчас мне интересно, о чем беседуют вчерашние крестьяне в садике против шахты, когда легкий ветерок доносит из-за реки запах свежескошенных хлебов?

Что волнует этих людей?

Я присаживаюсь ближе.

— Велика она. Края у нее широки, — говорит шахтер, про которого известно, что он в прошлом году пришел из колхоза.

О чем это он?

Оказывается, речь идет об одной из самых последних новинок в шахтной механизации — о самопогрузочной машине С-153. Шахтеры восхищаются ее высокими качествами — она способна заменить людей на самой тяжелой работе. Производительность у нее огромная. Но очень жаль, что в штреках она не использует всей своей мощи.

— В лаву бы ее хорошо пустить. Ужас, сколько товару она могла бы дать! Только надо ее слегка переделать. Обузить ее надо.

И никто не сомневается, что она будет переделана, что приспособить ее для работы в лавах нетрудно, потому что замечательная эта машина изготовлена на наших заводах, по замыслу наших инженеров, и, стало быть, в нашей власти заставить ее выполнять то, что нам надо. И голосом хозяина говорит рядовой шахтер — недавний колхозник — о том, как это сделать.

В другой группе шахтеров обсуждают причину, из-за которой рвется лента транспортера. И рвется в самое неподходящее время, накануне Дня шахтера, когда надо добывать много угля, а то шахта окажется в хвосте, позади других.

И возгораются жаркие споры. Людей волнует честь их шахты, их личная честь.

А медвяный запах, идущий из-за реки, к вечеру становится сильнее. Неужели никто из бывших крестьян не вспомнит о косовице?

Но вот в третьей группе шахтеров, что уселись с уже зажженными лампочками около разлапистой липы, речь зашла как раз об уборке урожая.

— Первый раз нынешний год у нас в колхозе убирают без меня, — вздохнув и грустно улыбнувшись, говорит не старый еще, но и не такой уж молодой навалоотбойщик Сенин. — В прежние времена я каждый год, как артист, на гастролях жил. То в деревню поеду, то опять на шахту возвернусь. А сейчас — нет. И жене велел навечно сюда переезжать...

— Что так? Разве в колхозе плохо?

— Зачем плохо? — удивляется Сенин. — Напротив, в колхозе нынешний год даже очень хорошо...

И Сенин об'ясняет, почему он решил остаться на шахте:

— Раньше, если ты, допустим, пришел на шахту и сила физическая позволяет, ты взял в руки обушок, приспособился, как им действовать, ну и рубай в доброе свое здоровье! Наука получалась в общем нехитрая при обушке. А сейчас, глядите, на каждом шагу в шахте своя машина. И если уж мы их сами делаем на своих заводах, значит, мы их можем сделать, сколько потребуется. А с машиной уже глупости допускать нельзя: ушел, мол, и пришел, когда хочу! Машина требует внимания и образования, если ты хочешь получить от нее полный эффект. Значит, бегать от машины нельзя. Теперь посмотрим, что в колхозе? Опять машины: комбайн, трактор. Или, скажем, агротехника? И она требует образования. Разве станут задаром такие звания давать, как, допустим, Герой Социалистического Труда? Значит, вывод отсюда такой: человек должен твердо укрепиться на каком-то определенном месте и добиваться с этого места полного эффекта всей своей жизни. Чтобы ему польза была и чтобы от него получалась польза государству. Я правильно говорю? — оглядев всех, спросил Сенин.

И все поддержали его.

— Можно, конечно, и сейчас при механизации и всеобщем образовании совваться где-нибудь около машин, не затрагивая их, — сказал Сенин. — Но тогда ты не добьешься такого заметного результата, чтобы все с удовольствием обращали внимание на твою работу, и чтобы государство оказывало тебе почет, чтобы про тебя писали в газетах. Правильно я говорю?

И опять все поддержали Сенина.

Чтобы быть вполне справедливым, он сказал, что и сейчас еще есть люди, которые уходят с шахты и, погуляв, приходят опять или вовсе исчезают. Но, во-первых, людей таких стало очень мало, а, во-вторых, они ничего не могут изменить: большинство теперь выбирает себе профессию на всю жизнь.

И иначе нельзя. Страна все более становится страной мастеров. Мастера требуются и в городе и в деревне. И везде ценится человек, способный не теряться во всяких условиях и знающий свое дело, как самый лучший мастер. Выбирай себе любую специальность по душе, никто тебе не препятствует. Хочешь быть колхозником, — будь, но тогда уж изучай свое дело и добивайся в нем полного блеска. Хочешь быть шахтером, — пожалуйста, но помни, что угольная промышленность теперь не такая, как была.

— Она имеет теперь высокий уровень, — угольная промышленность. Здесь требуется теперь, в первую очередь, голова, — убежденно сказал Сенин. — Вы поглядите на нашу шахту. Сколько в ней разных механизмов! Ведь с ними надо уметь обходиться. Легкого поведения человек тут не требуется...

— Конечно, — поддержал Сенина другой навалоотбойщик Кузин. — Все это в общем правильно, но на этом все-таки успокаиваться нельзя. Надо, чтобы руководители, например, нашей шахты еще потрудили свою голову вот насчет чего.

И он показал в сторону жилых домов, укрытых густой листвой:

— Домов, скажем прямо, мало. И дома надо строить попросторнее. Человек накрепко оседает на шахте, честно работает и, между прочим, зарабатывает хорошие деньги. Вот, например, у нас в бригаде нет ни одного, кто зарабатывал бы в месяц меньше трех тысяч, а есть и такие, которые добывают и по пять тыщь рублей в одни руки. Значит, таким людям нужны условия. Может, я пианино хочу купить для детей... А где его поставить?

3.

Беседа разгоралась. И в этот момент у здания нарядной остановился автомобиль, из него вышел невысокого роста человек в защитного цвета картузе, оказавшийся председателем районного исполкома. Нет, очевидно, не избежать разговоров о косовице!

Председатель исполкома и приехал по этому делу. Он просит помочь колхозам. Косовица может затянуться, а этого допустить никак нельзя! Не могут ли шахтеры помочь колхозникам, послать на время уборки в колхозы некоторое количество людей? В колхозах идет уже обмолот хлебов. Колхозники спешат вывезти зерно в счет государственных поставок. Не может ли шахта помочь колхозам грузовиками?

Конечно, может! Уже вошло в практику нашей жизни трудовое взаимодействие заводов и шахт с колхозами, как на поле боя применялось боевое взаимодействие, взаимовыручка, увеличивающая силу и славу воинов. Заводы и шахты активно помогают колхозам по всей стране строить сельские электростанции, проводить благоустройство, да мало ли еще в чем! А что касается уборки и вывоза хлеба, так тут не может быть лишних разговоров! Надо помочь! И — немедленно!

На шахте в тот же вечер отбирают добровольцев, свободных завтра от работы, и машины. И, может быть, еще сегодня люди отправятся помогать колхозам. Это дело принимают близко к сердцу. Называют наиболее способных к этому делу. И эти отобранные люди чувствуют себя приподнято на глазах всего коллектива.

На этот раз они едут в деревню не для того, чтобы проявить заботу о своем мелком, собственном хозяйстве, о своей немудренькой коровенке. На этот раз они проявляют заботу о могуществе государства, где хлеб и уголь неразрывно связаны в своем великом значении для судеб отечества.

— Эх, люблю я горячую работу, — говорит мне Сенин, который согласился поехать на трое суток для помощи колхозу.—Надо показать колхозникам, на что способны шахтеры! Душа кипит...

Бывший крестьянин уже прочно чувствует себя шахтером.

ЩЕКИНУГОЛЬ. Август.

ПОД СТАЛЬНЫМ ЩИТОМ

В Караганде, в одной из шахт, где разрабатывают полого-падающий угольный пласт, есть пятидесятиметровая лава. Здесь совсем нет стоек, которые на всех шахтах мира поддерживают кровлю над местом угольных разработок. Метод крепления, применяемый в лаве, — крупное достижение советской технической мысли. Этот метод разработан во Всесоюзном научно-исследовательском угольном институте.

Крепление кровли — одна из наиболее трудоемких работ и наиболее трудно разрешимых проблем в угледобыче. Больше пяти миллионов кубических метров крепежного леса расходуются ежегодно на угольных шахтах нашей страны. Нужно загрузить 300.000 железнодорожных вагонов, чтобы доставить лес на шахты. А в лаве, в забое — стойки, густо усеявшие место разработок, создают множество неудобств. Они мешают, в частности, проходу угольных комбайнов, уменьшают эффективность высокопроизводительных машин, которыми насыщено сейчас угольное производство.

В последние годы крепежный лес на шахтах советской страны начинает уступать место металлу. Замена деревянных стоек металлическими позволяет избежать потери огромного количества леса. Но она не снимает других трудностей и неудобств, связанных с обычным способом крепления кровли в шахте.

Попытки механизировать эту тяжелую работу до последнего времени не приносили успеха. Понятно поэтому, каким исключительным достижением является лава, где вовсе нет стоек, где ничто не мешает работе машин и где крепление автоматически продвигается вместе с механизмами, врубающимися в глубь пласта.

Что же оберегает от завала место работы в этой единственной в мире лаве?

Здесь испытывается недавно смонтированное, так называемое механизированное передвижное щитовое крепление конструкции старого горняка И. А. Журавлева, лауреата Сталинской премии. Это крепление металлическими щитами перекрывает весь пятидесятиметровый фронт лавы, надежно оберегая людей и механизмы. Внутри щита свободно работают и передвигаются добычные и транспортные механизмы. По мере продвижения добычи передвигается и щит. Происходит это автоматически с помощью специального гидравлического устройства.

Промышленное применение щита Журавлева позволит сделать еще один крупный шаг на пути ликвидации тяжелого ручного труда в угольных шахтах. Оно высвободит значительное количество рабочих и приведет к ликвидации трудной профессии крепильщика. Эта специальность уступит место высококвалифицированному труду механиков.

Три месяца прошло с тех пор как в угольном пласте Караганды был смонтирован стальной щит Журавлева. Все это время ученые и инженеры внимательно изучают поведение нового устройства в производственных условиях. Происходит тщательная проверка всех узлов и механизмов конструкции.

Надежность и безопасность работы под щитом Журавлева значительно выше, чем при старом способе крепления. Новое передвижное механизированное щитовое крепление обещает совершить подлинный революционный переворот в угольной промышленности нашей страны

Метро трех городов

Подземная электрическая дорога — метрополитен — прочно вошла в быт москвичей. Сорок километров подземных путей соединили окраины столицы. Двадцать девять станций-дворцов построены советскими людьми. Сейчас заканчивается сооружение первого участка четвертой очереди московского метро.

Готовая вчерне, эта часть Большого кольца — новое достижение советской техники, науки и искусства. Строительство четвертой линии метро отличается высокой степенью механизации подземных работ. Около сорока щитов и эректоров — специальных машин для укладки тюбингов — работает на восьмикилометровой трассе.

Это позволяет сооружать тоннель в два с половиной—три раза быстрее, чем на первой очереди московского метро. Более пятидесяти погрузочных машин полностью упразднили на стройке профессию грузчика.

Проблема борьбы с водой, столь трудная на строительстве первой очереди, теперь окончательно решена. Кессонный способ проходки под защитой сжатого воздуха, вытесняющего воду из тоннеля, замораживание пропитанного водой песка-плывуна полностью освоены на стройке.

На шести новых станциях не будет лестничных переходов. Эскалаторы доставят пассажиров непосредственно на поверхность земли. На станции «Таганская» сооружен самый глубокий эскалаторный тоннель.

Установка мощных вентиляторов типа «ЦАГИ», каждый из которых нагнетает до 150 тысяч кубометров воздуха в час, значительно улучшит систему вентиляции. Половина станций оборудуется лампами люминесцентного освещения. Стройная легкость архитектуры, нарядное оформление, обилие воздуха, наконец, «дневной» свет придадут новым станциям праздничный вид, заставят забыть о грандиозной толще земли, нависшей над их сводами.

Московский метрополитен стал университетом метростроения, школой высокой технической культуры. Ценнейший опыт, накопленный москвичами, широко используется на строительстве ленинградского метро.

Высокий уровень механизации — характерная черта этой новостройки. Здесь над сооружением тоннеля (он почти равен по своей длине первой очереди московского метро) трудится втрое меньше людей.

Своеобразные геологические условия Ленинграда поставили перед метростроевцами новые задачи. Тоннели сооружаются не в известняках, а в кембрийских глинах. Легче поддаваясь разрушению, они требуют, под угрозой оседания, крайне быстрого крепления сводов. Для этого применяются стандартные металлические крепления, хорошо зарекомендовавшие себя на строительстве четвертой очереди в Москве.

На трассе первой очереди ленинградского метро, протяженностью в 11 километров, будет семь станций. Все они оборудуются эскалаторами. В качестве отделочного материала широко используются фарфор и стекло.

Научная мысль стремится до минимума довести трудоемкость подземных работ. На новых стройках метро внедрены сборные железобетонные конструкции. Под землей производится лишь монтаж готовых узлов.

Щиты, которые применяются на строительстве, являются, по существу, лишь металлическими креплениями. Они защищают от обвалов рабочих, дробящих отбойными молотками породу. Конструкторы работают над созданием нового щита, который сам будет прокладывать себе путь в земле. Рабочий-проходчик станет водителем этой сложной машины.

Щиты новой конструкции будут работать на проходке тоннелей киевского метро — стройке ближайшего будущего. Сейчас в столице Украины закончены геологические изыскания на месте будущей трассы и начато проектирование первой линии метрополитена.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Сухуми.** Переведена на абхазский язык и вскоре выходит из печати книга абхазского писателя Георгия Гулиа «Весна в Сакене».

◆ **Чита.** Большой популярностью в области пользуется Карымская районная библиотека. В этом году по договорам с колхозами библиотека открыла передвижки в Нарын-Талаче, Даин-Дарге, Ульзутуево и других селах района.

◆ **Брянск.** В областной библиотеке открылась выставка, посвященная жизни и творчеству Николая Островского. Среди новых экспонатов — пробитая осколками немецкой авиабомбы книга «Как закалялась сталь». Эту книгу подарили родным писателя моряки.

◆ **Кировоград.** В Бобринецком, Александровском, Компанеевском, Хмелевском и других районах области начался колхозный кинофестиваль. Демонстрируются лучшие художественные и документальные фильмы, в том числе: «Ленин в Октябре», «Клятва», «Третий удар», «Сказание о земле Сибирской», «Трактористы».

◆ **Алма-Ата.** В городах республики организованы курсы переподготовки работников сельских культурно-просветительных учреждений. В Семипалатинске и Чимкенте работают 5-месячные курсы библиотекарей, в Джамбуле, Уральске, Кокчетаве, Усть-Каменогорске, Кустанае, Кзыл-Орде и Алма-Ата учатся заведующие клубами, красными юртами и домами культуры.

◆ **Киев.** Общественность столицы Украины отметила 50 лет со дня рождения и 20 лет научно-педагогической деятельности выдающегося архитектора, президента Академии архитектуры УССР Владимира Игнатьевича Заболотного. Тов. Заболотный — автор ряда выдающихся проектов, в частности, проекта здания Верховного Совета УССР. За этот проект архитектор удостоен Сталинской премии.

◆ **Днепропетровск.** Более ста заводских и рудничных лекториев работает в области. Они об'единяют около 2.000 лекторов — руководящих партийных и хозяйственных работников, инженеров, техников, врачей, педагогов, стахановцев.

За последнее время в лектории завода имени Дзержинского прочитано свыше 40 лекций на различные политические и научно-технические темы.

◆ **Ташкент.** Группа альпинистов Узбекистана выступила в поход, чтобы на одной из труднодоступных вершин Заилийского Ала-Тау — пике Алишера Навои установить бюст великого узбекского поэта и мыслителя. 15 августа здесь получено сообщение, что спортсмены достигли вершины и на высоте 4.282 метра сложили каменную пирамиду. На ней водружен бюст Алишера Навои.

П. ПАВЛЕНКО, М. ЧИАУРЕЛИ

Падение Берлина

Литературный сценарий П. Павленко и М. Чиаурели «Падение Берлина» посвящен исторической победе советского народа, одержанной в Великой Отечественной войне. Через все произведение проходит образ простого русского человека — сталевара Алексея Иванова, показывавшего до войны образцы социалистического труда, а в годы войны героически сражавшегося против фашизма. В публикуемом отрывке события происходят накануне Великой Отечественной войны.

Очертания гигантского завода и живописного заводского поселка рядом с заводом выступают на фоне утреннего неба. Вот-вот рассвет. Даже птицы, и те еще не проснулись как следует и только сонно отряхиваются в нежной весенней зелени деревьев.

Но вот тишину раздвинул могучий низкий голос заводского гудка. Его октава величественно всколыхнула воздух, как хорал.

Зачирикали птицы в зелени. Кудлатый пес, со стоном зевнув, нехотя вылез из своей будки и заспанными глазами огляделся.

Где-то вдали нерешительно забормотало радио. День начался, хотя солнце еще не взошло.

* * *

Сталелитейный цех. Мартен.

... Блеск расплавленного металла слепит глаза. Огнедышащая струя стремится к нам.

Едва различимые фигуры сталеваров в комбинезонах, перчатках и синих очках суетятся у пылающей печи.

Усталый юноша, откинув на лоб очки, присаживается на стальную болванку и вытирает лицо. Свет пламени играет на его фигуре. Кажется, что она сейчас вспыхнет.

К сталевару подбегает редактор стенгазеты Зайцев с готовым экземпляром «Красного сталевара» в руках.

— Алеш, — кричит он, но сквозь рев разбушевавшегося металла его едва слышно, — сколько выдал за смену? — и, не слушая, показывает номер многотиражки, на котором в середине — фотография Алексея.

— Вот, в героях идешь! Вчера дал сто сорок. Сегодня не подкачал?

— Ступай ты к чорту, — устало машет рукой Алексей, — пиши: сегодня сто шестьдесят.

Зайцев, радостно ахнув, исчезает.

Мы следуем за ним по сталеварочному цеху.

Стайка школьников, окружившая девушку-учительницу, пугливо толчется в дальнем углу. Учительница рассказывает, и ребята следят за движением ее губ и рук.

— Ребята, я вам уже рассказывала, что первые металлургические заводы в России построил царь Петр, но они были маленькие... — говорит учительница.

Учительница очень молода, лет двадцати, и очень красива, благородна. Ее тоненькая, почти детская фигурка выражает большую волю, лицо открыто и смело.

Она, видно, приготовилась к длинной лекции, но подбежавший редактор «Красного сталевара» помешал ей.

— Это что такое? Это что такое? — прокричал он еще издали. — Экскурсия? А печать ничего не знает... как же так? Некрасиво, Наталья Васильевна! — и он потряс ее руку, в шутку притворяясь рассерженным. — Однако дадим заметку и об экскурсии. — Ловко развернув лист, он начал быстро вписывать на уголке: «Школьная экскурсия тов. Румянцевой».

Ребята, подталкивая друг друга, разглядывали тем временем портрет Алексея Иванова, лучшего сталевара завода.

— Ну, я спешу, Наталья Васильевна! — забормотал Зайцев, — Алешка Иванов сегодня сто шестьдесят процентов дал, красота! — И, оставив экскурсию, помчался из цеха через широкий заводской двор в контору. Он бежал, размахивая газетой и крича встречным:

— Сто шестьдесят!.. Можете себе представить?!

* * *

... Секретарь директора завода Лидия Николаевна, девушка в локонах, которые так красиво и замысловато уложены на ее голове, что напоминают шоколадный торт, говорит по телефону:

— Нет его... да, да. Что у вас, рентген с собой? Ну, занят, потому и нет...

Звонит второй телефон. И, не кладя первой трубки, она подносит к уху вторую.

— Алло! Нет директора. Что? — ее лицо вдруг каменеет. Она вскакивает в сильнейшем волнении. — В «Правде» прочитали? Не может быть! Честное комсомольское? — И, бросив телефонную трубку, она приказывает вбежавшему Зайцеву: — Костя, милый, беги к комсоргу Томашевичу, возьми «Правду», нам всегда позже всех приносят. Скорей, скорей!..

Зайцев, не понимая срочности дела, говорит ей:

— Я хотел Хмельницкого повидать. Алешка Иванов сегодня сто шестьдесят процентов дал!

— Оставь, Хмельницкий занят. Беги, я тебе говорю, за «Правдой»! Такое случилось!..

Зайцев, которому невольно передалось волнение Лидии Николаевны, исчезает, бросив свою газету, а секретарша, оправив волосы, входит в кабинет, на двери которого значится: «Директор завода».

Хмельницкий, тучный, здоровый человек, из рабочих, с огромными руками, в которых перо кажется былинкой, углублен в работу.

— Василий Васильевич, — шепчет секретарша, — Василий Васильевич!

— Скройся! — мрачно отвечает он басом, не отрываясь от работы.

— Василий Васильевич!

— Скройся, говорю тебе!

— Не скроюсь... Красное Знамя нам дали...

— Что?

Хмельницкий подпрыгнул за столом и, роняя стул, выскочил на середину комнаты. Секретарша попробовала и в самом деле скрыться за дверь, но он схватил ее за руку и потащил к себе.

— Что за сплетни?

— Не сплетни, а напечатано в «Правде».

— Где «Правда»?

— Да вы же никогда не читаете ее здесь, я посылаю вам на квартиру, — лепетала Лидия Николаевна, то и дело оправляя свои локоны, а Хмельницкий продолжал дергать девушку за руку, будто хотел оторвать ей руку до самого плеча.

Тут в кабинет без стука ворвались комсорг Томашевич, редактор стенгазеты Зайцев и заслуженный сталевар Ермилов.

— Ура-ра! — закричали они и стали качать Хмельницкого, а тот вырвал у них «Правду» и пытался, взлетая к потолку, под самую люстру, прочесть о награждении.

Ермилов, который уже знал указ наизусть, сообщил ему:

— Алеше Иванову — орден Ленина, тебе, Васильевич, — тоже, мне — Знак.

Хмельницкий, не слушая, вырвался из кабинета на заводской двор, уже забитый народом.

— Что это такое? — закричал он, увидя сотни бездействующих и разговаривающих. — Работа-ать!!!

— Да в такой день кто ж тебе будет работать, — сказал Ермилов, — в такой день праздновать надо, Васплич, водочки бы поставил, а?

— Я тебе дам водочки! — прорычал Хмельницкий, пробираясь к сталеварочному цеху.

На его пути повстречалась группа ребят во главе с Румянцевой. Он остановился с разбегу.

— Вот что, дорогая учительница Наталья... я дальше не знаю...

— Васильевна, — подсказывает она.

— Васильевна! Выручай! Слыхала, какая радость?

— Нет, я еще ничего не знаю.

Хмельницкий поморщился, как от зубной боли:

— О, господи, это же отрыв от жизни! Орденом нас наградили! Вечером в клубе — доклад о лучших людях, так?

— Так, — машинально ответила учительница.

— Ты доложишь об Иванове...

— Я? Понятия о нем не имею, Василий Васильевич.

— Да надо же когда-нибудь иметь понятие. Это что такое за отставание, а? В восемь тридцать жду!

Румянцева пытается возразить.

— Молчать! Сбегаешь к его родительнице, информируешься... только... ну, в общем... Жду в восемь тридцать... — и помчался в цех, где, окруженный товарищами, сидел уставший и растерянный Иванов — герой дня.

* * *

... Живописный рабочий поселок. Тихие, тенистые улицы. Маленькие домики с палисадниками.

Наташа Румянцева идет, окруженная школьниками. Они поют хором.

Из калитки выходит Иванов в чистом костюме и в шляпе, отлично выбритый.

— Вы не знаете, где дом Ивановых? — спрашивает его Наташа.

— Вот этот самый, — равнодушно отвечает молодой человек, не обращая никакого внимания на учительницу и удаляясь быстрыми шагами.

Ребята удивлены:

— Да это ж был Иванов, Наталья Васильевна. Не узнали?

Наташа входит во двор. Ребята остаются ждать ее у калитки. Они вынимают из карманов бабки, и начинается игра. Лохматый черный пес Леньки Гурова принимает деятельное участие в игре мальчиков.

Наташа входит в сени. Ей навстречу идет старуха.

— Простите, здесь живет товарищ Алексей Иванов?

— Да, только что вышел. Разве не встретили?.. Алеша! — зовет она, — Алеша!

Смущенная Наташа удерживает ее:

— Не нужно, не нужно! Мне удобнее, собственно говоря, с вами.

Ребята глядят в щели забора на то, что происходит во дворе.

Мать Иванова и Наташа сидят под цветущей черемухой — вестницей русской весны!

Старуха рассказывает:

— Мы спокон веков сталевары: и муж покойный был сталеваром, и батюшка мой тем же делом всю жизнь занимался, и деды наши, и прадеды. Поначалу на Урале фамилия наша жила, а потом сюда перебрались: при Сталине, как бы сказать, приглашены были делу пример показать, потому как мы люди не простые, девушка. Мы люди знатные, себе цену всегда знали. Алешенька, конечно, всех дедов своих перегнал, в большой почет вышел. Про себя он мне иной раз говорит: «Я, — говорит, — мама, сталинец». И правда — сталинец, ничего не боится, ему препятствий нету. Строптивый такой парень получился, дай ему бог счастья... Любознательный был мальчишка, до всего тянулся. Часы приметит или там гармонь, — сейчас в руки загребет, давай разбирать.

Ребята слушают, прильнув к забору. Бабки забыты. Все их внимание устремлено на рассказ старухи. Наташа спрашивает:

— Вы все мне чудесно рассказали, Антонина Ивановна, кроме одного, — когда он родился?

— Ох, матушка ты моя, красавица! Забыла я, ну, да он у меня государственного рождения человек. Двадцать пятого октября по старому стилю тысяча девятьсот семнадцатого года — вот когда родился. Покойник мой муж, бывало, говорил: «Ты, мать, вроде как крейсер «Аврора», по старому режиму сыном вдарила». И то вдарила! Экий сын! Правда, что снаряд, — все на свете пробьет.

... Дети увлеченно шепчутся у забора:

— Кто это «Аврора», — она, что ли?

— Да не она, а вроде... это сравнение.

— Сам ты сравнение! Она же старуха, а не крейсер...

— Вот как я дам по уху, будешь знать, кто «Аврора»!

И затевается потасовка, быстро переходящая в шумную возню. Кто-то стукнулся спиной о забор. Забор зашатался. Закричали в несколько голосов:

— Подначку нельзя! Я Наталью Васильевну позову... Наталья Васильевна, Ленька рогаткой бьется!.. Наталья Васильевна!

Наташа Румянцева, раздосадованная, прощается у ворот с матерью Иванова.

— Приходите вечером в клуб, — приглашает Наташа.

— Приду, приду, матушка, красавица, — говорит старуха, — послушаю твой рассказ.

* * *

... Большой клуб полон народу. В президиуме Хмельницкий, Ермилов, инженеры, среди рабочих в партере — Иванов. Пот льет с него ручьем, будто его посадили на горячий утюг. Рядом с ним товарищи — Костя Зайцев и Томашевич.

Наташа стоит у трибуны. Она докладывает, волнуясь.

— Все наше — и сталь, которую мы варим, и машины, которые строят из этой стали. Я счастлива, что живу в такое замечательное время и что в первых рядах моего поколения идут люди, подобные Алексею Иванову.

Раздаются аплодисменты.

Иванов разглядывает Румянцеву. Ему не верится, что она может сказать что-нибудь толковое.

Костя Зайцев, аплодируя, толкает Алексея в бок:

— Хорошего, Лешка, себе агитатора нашел.

Тот смущенно откашливается:

— Чорт ее знает, чего несет...

Слышен голос Наташи:

— На его глазах создавалась наша страна. Вместе с нею мужал и креп характер Иванова...

И мы пробегаем глазами по залу, по лицам сидящих.

Вот в первом ряду Антонина Ивановна, мать Иванова, рядом с ней другие матери и отцы, старики-сталевары, украшенные медалями и орденами.

А дальше — безусая молодежь, юноши и девушки, тоже с медалями и значками отличников, и совсем юнцы, школьники фабзауча — будущие работники стали.

Все народ крепкий, сильный, веселый.

Взгляд Иванова неотступно и восторженно следит за Наташей.

Зайцев толкает Томашевича в бок, обращая его внимание на Иванова.

И Томашевич шепчет Алексею на ухо:

— Ты где же с ней успел познакомиться?

— Да я даже и не знаком.

— Откуда она о тебе знает? И любознательный, и часы починил, и то, и сё...

— Шут ее знает. Я не знаком.

— Не ври. А я думал, что мы одни с Коськой Зайцевым по ней страдаем, — оказывается, и ты нашего полку, брат.

— Да отстань ты! — морщится Иванов, но взгляд его не может оторваться от Румянцевой.

Зайцев огорченно шепчет Томашевичу:

— Пропал наш с тобой концерт, Витя! Слыхал, как она о нем! И герой, и человек будущего...

— Погоди, Коська, вот как ты споешь, а я сыграю новую вещь, она и о нас так говорить станет. Ей богу!.. А это она по обязанности, общественная нагрузка!

Румянцева продолжала:

— Я очень волнуюсь, потому что никогда не произносила речей, и я думаю, что вы тоже за меня волнуетесь, я сейчас закончу. Вот что я хочу сказать, товарищи... Кто привел нас к победам сегодняшнего дня? Кто открыл перед нами все возможности? Вы знаете, о ком я думаю. Но я сейчас вот что хочу сказать: для меня было бы величайшим счастьем увидеть его и сказать ему, что я... но поскольку это невозможно... я просто скажу: да здравствует товарищ Сталин, породивший нас для великой и счастливой жизни!

Тут зал поднялся рукоплеща.

* * *

Домик Наташи выглядывает из-за густой сирени. Из раскрытых окон слышны смех и музыка, мелькают веселые лица Зайцева и Томашевича.

Алексей Иванов, как бы невзначай, проходит по другой стороне, искоса наблюдая за тем, что происходит у Наташи, и не решается подойти ближе. Он в хорошем синем пиджаке, из-под которого выглядывает шелковая рубаха с расшитым воротом, подпоясанная замысловатым пояском, а на ногах — яркожелтые туфли, издающие резкий скрип, будто кто-то рядом пилит дрова. Уже несколько раз Иванов подходил к лимонадным ларькам и поливал подошвы туфель водой, беря сразу по три стакана. Мальчишки у киосков не без восторга глядели, как знаменитый Иванов поливает туфли.

— Лей, не жалей, два урожая снимется! — покрикивали они, хохоча.

В этот момент Зайцев и Томашевич вышли на улицу. Наташа крикнула им из окна:

— Не забудьте мне два билета!

— Зачем вам два? — удивился Зайцев, но она не ответила.

Иванов хотел скрыться, но товарищи уже заметили его издали:

— Лешка, пошли на концерт Томашевича! — крикнул Зайцев. Иванов стал смущенно отнекиваться:

— Ей богу, не могу, занят...

— За Румянцевой ведет наблюдение... Это она для него второй билет просила, — рассмеялся Зайцев. — Только я тебе вот что скажу, — и он пропел:

Понапрасну, мальчик, ходишь,
Понапрасну ножки бьешь.
Ничего ты не получишь
И один домой пойдешь.

Ребята ушли. Сильный голос Кости Зайцева долго разносился по всему поселку.

Туфли после поливки заскрипели еще сильнее. И, собственно, на этот жуткий скрип только и оглянулась Наташа, сидевшая за своим рабочим столом у раскрытого окна, выходящего в палисадник, за которым тянулась улица.

Оглянувшись на скрип, она сквозь куст сирени увидела Иванова, шествующего медленной поступью, и рассмеялась.

— Это вы дрова пилите? — крикнула она ему из окна, и он, побагровев, остановился.

— Идите сюда, — позвала Наташа и присела на подоконник.

Он заглянул в комнату, обставленную с девической простотой. Узенькая железная кровать, покрытая белым пикейным одеялом, репродукции на стенах, летние кисейные занавески на окнах, этажерка с книгами и рабочий столик с ученическими тетрадками.

Он стоит в палисаднике, у окна наташиной комнаты, а она в легонькой шелковой блузе и клетчатой юбочке свесила ноги с подоконника и — маленькая — сверху глядит на этого великана.

Рабочий стол Наташи, что стоит у окна, привлекает внимание юноши.

— А это кто? — с добродушным неведением тычет он своим огромным пальцем в корешок толстой книги.

— Пушкин! — с явной гордостью за свое хозяйство отвечает она.

— Учил когда-то, а потом читать не доводилось, — признался Иванов, — потому как стих нашему брату не особо требуется... не вывозит стих, — несколько иронически замечает он, скрывая иронией смущение от сознания своей неотесанности.

— Еще как вывозит!.. — и она читает ему наизусть:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом...

— Ну, так это про любовь, что ж тут такого?.. А насчет науки или производства — и искать нечего.

— Почему нечего? — И она читает Маяковского.

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками
пар
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

— А это здорово! — искренне удивленный и увлеченный, отзывается Алексей. В его глазах огромное уважение к неиссякаемости знаний и уму Наташи. — Нет, это здорово, — повторяет он, находясь еще во власти поэзии, — вот тебе и Маяковский! А это кто?

— А это Багрицкий. А это Тихонов.

— Цельный цех! — качает он головой. — И все стихи, — подумать только!

* * *

Ночь. Комната Иванова. Он сидит за столом. Развернул Пушкина и отбросил, заглянул в Лермонтова и не прочел ни строки, а потом, сжав голову руками, погрузился в «Облако в штанах» Маяковского.

Мать вошла к нему и сразу догадалась о причине мрачного настроения.

— Отказала? — спросила она, ахнув.

— Не говорил еще, — ответил он.

— Ты, как отец, — тянешь, тянешь, пока всю душу не вымотаешь. Я, знаешь, когда отец-покойник за мной ухаживал, так ему два подметных письма послала: дескать, торопись, а то вашу даму могут увезти в добрый час...

— А он?

— Отец-то? Шальной был, вроде, как ты, — прибег, аж двери затрещали. Довела я его тогда... а может, тебе стихи ей написать? — спросила мать. — Я одного знала, он все больше стихом завораживал, вычитает где-то, себе в бумажку спишет — и ну привораживать. Вон их у тебя сколько! Спиши, которые красивее, и пошли...

Он молчал.

— Девушка чистая, хорошая, ничего не скажешь, — вслух думала мать, — но только не для тебя она, Алеша: ты человек рабочий, а она... из ученой семьи. Ее родитель — инженер, что ли, большой...

Сын спал, опершись на руки.

Мать подошла к столу и прочла:

Литературная шатия,
успокойте ваши нервы,
отойдите, —
вы мешаете
мобилизациям и маневрам.

— Да... не подходит к нашему делу... Ну, утро вечера мудренее, — и вышла на цыпочках, не тревожа сына.

* * *

Иванов стоял в кабинете у Хмельницкого.

— Василий Васильевич, дай ты мне какой-нибудь отпуск или учиться пошли куда-нибудь подальше, — не могу я тут больше.

Хмельницкий пожевал губами:

— Прописал бы я тебе, дураку, отпуск по шее, да вам, дуракам, везет. В Москву вызывают. Собирайся.

— Я готов хоть сейчас, хоть в Москву, хоть на полюс, — сказал Иванов. — А кто вызывает-то?

— Сталин, — сказал басом Хмельницкий.

Лицо Иванова передернулось.

— Не поеду, — прошептал он, — ни за что не поеду!.. Да как же я...

— Поговори у меня! — пригрозил Хмельницкий. — Вместе летим. Я тебя ни на шаг не отпущу...

— Не поеду, — сказал Иванов, — боюсь, даже представить не могу, чего я говорить буду...

— Чудак-человек, говорить ему надо... С тобой будут говорить, а ты, знай себе, слушай, ума набирайся... Такое человеку счастье, а он еще ерепенится. Пошли, милый, самолет ждет...

* * *

... Сад молодо зеленел. Цвели деревья. Сталин поднял голову и прислушался. Пели, заливались жаворонки в небе.

Он в белой домашней куртке и белом картузе обминает ногой землю вокруг только что посаженного им деревца.

Старый садовник неодобрительно качал головой:

— Как хотите, Иосиф Виссарионович, а только не пойдет, никак не пойдет. Не того звания дерево. Называется «Грандифлора Гималайка», южных краев уроженка. Куда ей! Только себе хлопот причиняете. А она все равно на севере жить не будет. Голову на отрез даю. «Грандифлора Гималайка» тонкая вещь, капризная.

— А кто ее так назвал? — спрашивает Сталин. — Кто такой?

— Этого сказать не могу. Надо быть, ученый такой. Голландский, может, или там...

— Ну, вот видите, — какой-то голландец назвал, а я верить обязан. Я сам южанин, а между прочим на севере неплохо себя чувствую...

— Ну, так то ж вы... какое ж сравнение?.. Разве так можно говорить? Диалектика же должна быть.

— Все-таки, вы полагаете, должна быть диалектика?

— Ну, как же?.. Только я вам так скажу, Иосиф Виссарионович, между нами, — я этот марксизм, так сказать, три раза пробовал — не идет. В товарища Энгельса, так сказать, заглядывал — ни туды, ни сюды. А Ленин — тот открывает! Тот — да! И вас тоже неоднократно перечитываю... Ну до того ясно, будто сам написал...

Сталин обмял землю, отставил в сторону лопату.

— Пойдет дерево! — сказал твердо.

— Куда ей, — махнул рукой садовник. — Вы опять о себе скажете! Так вы ж, так сказать, сознание имели, перестрадали сколько...

— Вот и это дерево заставим немножко пострадать, создадим отличные условия, и... пойдет дерево...

— Может, вы слово какое знаете, тогда пойдет. А по науке — ни шагу не должно сделать...

— Наука! Наука — это то, что люди хотят и могут сделать, а не то, что им навязывают устаревшие учебники, устаревшие «люди науки».

Садовник, нацепив пенсне, демонстративно раскрыл газету. Сталин спросил:

— Что там пишут? Какие новости?

— Опять разведочные полеты. И когда англичане по-настоящему воевать начнут против немца? — пробурчал садовник.

— Они все выжидают. Один-на-один воевать не будут и не могут, — отвечает Сталин.

— Вот мы так и говорим. Ага! Вот какой-то парень — Иванов его фамилия — сталь хочет варить по новому способу — без мартена, смех, ей-богу! Это все одно, как щи без ложки хлебать... Ох, и народ же у нас шельма!

Сталин: — Народ у нас замечательный. О таких мы, старшее поколение, только мечтать могли. Чистый народ, святой народ!.. Наших молодых ничто не остановит.

Садовник не согласился.

— Преувеличиваете, Иосиф Виссарионович... не видел я что-то таких... Легко жить привыкли, трудностей не любят.

Подошел дежурный, сказал:

— Товарищ Сталин, прибыл по вашему вызову сталевар Иванов...

— Вот видите, как у нас. Только подумали о хорошем человеке, а он уже здесь. Просите Иванова сюда! — сказал он дежурному.

...Иванов шел по дорожке сада, оглядываясь по сторонам, куда бы скрыться.

— Ей-богу, я не могу, — шептал он генералу Власику, — отпустите вы меня, ради бога... Ну что я... рапортовать надо или как?.. Лучше Хмельницкого вызовите, а?

Генерал Власик ничего не успел ответить. Сталин сам шел навстречу гостю.

Иванов, глубоко вздохнув, остановился. Губы его дрогнули.

— Здравствуйте, Виссарион Иванович, — вымолвил он через силу, — то есть, простите, ради бога...

Сталин засмеялся и, подойдя, обнял Иванова за талию.

— Это моего отца звали Виссарионом Ивановичем, а я Иосиф Виссарионович... Ничего, ничего... — и, смеясь, повторяя: «Виссарион Иванович», повел в дом, где уже был накрыт стол.

* * *

... За столом сидели товарищи Сталин, Молотов, Берия, Жданов и Иванов. Все блюда стояли на столе. Подающих никого не было. Каждый, что ему надо, брал сам.

Иванов, чтобы не сделать какой-нибудь глупости, жевал один хлеб. Сталин сказал ему:

— Когда гость не ест, хозяину обидно. Возьмите вот это, — и положил на тарелку Алексея рыбку и налил вина в его бокал.

— За ваше здоровье, товарищ Сталин, — сказал Алексей.

— За мое здоровье часто пьют, — сказал Сталин. — Давайте за вас выпьем, за ваши новые успехи...

Все выпили.

Берия снова наполнил бокалы и сказал как бы вскользь, подмигивая Жданову:

— Их завод только Ивановым и держится, а вообще неважно работает...

— Наш завод? — Иванов не замечал шутки. Он возмущенно опрокинул в себя бокал и ответил достойно: — Нет, не зря нас орденом наградили, товарищ Берия. Наш завод сильный, смелый, народ у нас дерзкий, далеко вперед видит.

Сталин сказал:

— Завод у них ничего, руководство только отстает... Верно?

Иванов помотал головой, отрицая это.

— Нет! Таких директоров, как наш Хмельницкий, по всему Союзу поискать, — сказал он уверенно, — сталь мы даем хорошую, такую никто не дает. Так и называется у нас — хмельницкая сталь, — и, сказав это, опять выпил.

— Сталь многие дают, но не все отдают себе отчет, для чего она и сколько ее нужно нам... У вас о войне что народ думает?

Иванов ответил:

— Думают, что подходит она, подкатывается...

Молотов говорит Иванову:

— В будущей войне сталь будет решать все.

Иванов сказал:

— Так-то оно так, Вячеслав Михайлович, да одна сталь ничто. Ей хозяин нужен. Без солдата и сталь пустяк.

Сталин ответил:

— Конечно, самое главное люди... Исход войны решат они, но чем богаче оснащен воин, чем сильнее его техника, тем ему легче победить.

Иванов заметил тогда:

— Сталь-то у нас, товарищ Сталин, хорошая, а будет еще лучше. Я вот выдал новую марку, а наш старик-сталевар Ермилов, гляди, меня через месяц-другой и перекроет. Получше выдаст. А там еще кто откроется...

Жданов спросил:

— А вы сдадитесь?

Сталин заметил:

— Конечно, сдастся. Успокоится на достигнутом — и все.

— Я на достигнутом?.. — теперь уже гораздо более смело спросил Иванов и решительным жестом сам налил себе вина сразу в два бокала. — Сталь варить, товарищи, это надо головой работать, — сказал он вдруг, — может, вам так сообщают, что, дескать, рецепт есть, формула есть, технологический процесс указан — точка, делай.

— А разве не так? — спросил Сталин.

— И вовсе не так, — ответил Иванов, отодвигая от себя тарелки, ножи и вилки, чтобы было свободнее рукам. — Сталь — она, как живая, товарищ Сталин. Все обеспечено, наука соблюдена, а глядишь — брак. В чем дело?.. В том дело, я вам так скажу, чтобы поймать ее во-время. Может, матери так детей не рождают, как я эту сталь. Вот как оно! Ходишь вокруг мартена, душа дрожит, все думки там, в печи, будто сам я в огне варюсь. Тут уж я о технологии не думаю...

Иванов останавливается...

— Рассказывайте, рассказывайте, — сказал товарищ Сталин, пытаясь придвинуть к Иванову его тарелку, но тот решительно отодвигал ее, одержимый нахлынувшим красноречием.

— Сталь сердцем варят. Вот как заступит в сердце, — готова, открывай горн, зови ребят... гляну на металл и сразу знаю, — удалась или нет. Тут отца-мать забудешь. А как пошла, такая радость берет, тогда все нипочем, петь тогда охота... «Эх, ты, Ваня!» — неожиданно запел он и осекся.

— Извините, товарищ Сталин, завод вспомнил, петь люблю, когда работаю...

— А вы спойте, — предложил Жданов. — Что-то не помню этой песни.

— Песня эта хорошая, простая. Если можно, спою, — и запел.

Все стали подтягивать ему. Пел Иванов, пел Сталин, пел Молотов, пели Берия и Жданов. Пели, забыв обо всем на свете, и широко и вольно лилась песня.

Когда кончили петь, Молотов спросил:

— Вы женаты, товарищ Иванов?

— Приближаюсь, — туманно ответил Алексей.

— К чему приближаетесь? — спросил Сталин.

— К тому... к женитьбе приближаюсь, а не выходит. Не моей, видать, марки сталь. Если можете, помогите, товарищ Сталин.

Все засмеялись. Сталин развел руками:

— Тяжелый случай! Но если что от меня зависит, помогу. А в чем дело, по существу?

— Красавица! — сказал Алексей, потрясая кулаком. — И душа чистая! И умница! А вот стихами меня замучила... Вдруг, скажем, звонит по телефону: Алло! Алексей, Алеша! «Кавказ подо мною. Один в вышине...» Продолжай! Вы понимаете?

Сталин, смеясь, останавливает его:

— Что же вы?

— Я, конечно, не поддаюсь, насколько могу, но кто же столько стихов помнить может?

— А стихи, между тем, хорошие, — задумчиво произносит Сталин и, прищурив глаза, негромко читает наизусть:

...Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье...

Иванов замирает с бокалом в руке.

— Значит, тоже этим занимаетесь? — удивляется он, не веря глазам и ушам своим, и лицо его становится несчастным.

— Ничего, не пугайтесь стихов, — смеясь, говорит Сталин, — постарайтесь оказаться сильнее ее в деле, — тогда ничего.

— Да это я сколько угодно... — робко улыбается Иванов, — а только керосином мое дело пахнет.

...Он прощается. Голос его нетверд, движения счастливы.

— Нам, сталеварам, верьте, — говорит он Сталину, — не подведем, на десять очков всех заграничных обставим. Точно говорю. — Он идет, но тотчас возвращается. — Не обижайтесь на меня, товарищ Сталин! Может, я чего не так сказал, а?

Сталин кладет руку на плечо Иванова:

— Мы свои люди, все можем друг другу сказать... Передайте привет сталеварам. Наша просьба — не успокаиваться, не почивать на лаврах, добиваться новых успехов... Это важно и в личной жизни.

Повесть о колхозной деревне

С. МАРВИЧ

Коротко время, в течение которого развертывается и завершается действие повести Юрия Лаптева «Заря», — от последних мартовских метелей до первых весенних дождей. Между тем, автор далек от хроникального описания того, что происходит в тамбовском колхозе «Заря» в течение этих весенних месяцев.

В мартовский день, когда завывает последняя метель, Федор Бубенцов с какой-то надрывной горячностью толкует приятелям о своих обидах. Уже несколько месяцев, как Бубенцов вернулся из армии. В прошлом отличный тракторист, человек кипучей энергии, он неожиданно для всех оказался в стороне от колхозных забот. Не действовали на него ни упреки, ни увещевания. Помог Иван Торопчин, секретарь партийной организации колхоза, помогла твердость Торопчина, его умение распознать в человеке главное. Немногое сказал Торопчин при встрече с Бубенцовым в тот день, когда неистовствовала мартовская метель, но эти слова глубоко взволновали Федора. Он понял, что не может, не должен продолжать праздную жизнь, что надо вернуть потерянное к нему уважение.

Тяжело начинается весна 1947 года на Тамбовщине. Позади засушливый год. Мало хлеба осталось в колхозных амбарах, мало семян. В колхозе «Заря» еще есть люди, которые помнят, что принесла засуха 1891 года. Для очень многих она была бедой непоправимой. Крестьяне тогда бросали дворы, уходили нищенствовать.

Засуха 1946 года нанесла заметный урон колхозу, но не развалила его. Для того чтобы исчезли все последствия неурожайного года, нужна крепкая сплоченность всех членов колхозов, нужно, чтобы каждый осознал свой долг перед страной, необходимо твердое, оперативное руководство.

Это, разумеется, понимает Торопчин. Понимают люди, на кого он опирается. Но прежний председатель правления колхоза Новоселов, честный, преданный общим интересам человек, уже не в силах справляться со своими обязанностями. Преклонные годы мешают этому. Выбор падает на Федора Бубенцова. Он должен сменить старика Новоселова.

Надо сказать, что читатель должен хорошо вдуматься в смысл повести для того, чтобы понять закономерность этого сюжетного поворота. Почему Торопчин вдруг решил поддержать Бубенцова, который после возвращения с фронта ведет себя далеко не безупречно? Для того только, чтобы помочь Федору выправиться? Если так, то это — неразумный эксперимент. Нельзя рисковать интересами всего колхоза лишь для того, чтобы нравственно возродить одного человека. Ведь есть же много иных путей, чтобы помочь Бубенцову найти свое место в коллективе.

Но Торопчин — не беспочвенный экспериментатор. Он умеет распознавать людей. В Бубенцове он видит неуемную, но не приложенную к делу энергию, организаторскую жилку, недюжинную волю. Все это с пользой послужит колхозу в трудное время, если Бубенцов по-настоящему осознает свою ответственность. Это не эксперимент, успешный ход которого замыкается в судьбе одного человека, а серьезный риск, связанный с интересами всего колхоза. Торопчин без колебаний идет на этот риск, потому что верит в духовные силы Бубенцова, в его способность справиться с большой работой. Этим смелым решением Торопчин сразу же завоевывает симпатии читателя. А сколько, казалось, было «противопоказанного» в облике Бубенцова! Нерешительному, несмелому, уклоняющемуся от ответственности руководителю достаточно было одного внешнего признака для того, чтобы отвести кандидатуру Бубенцова.

Торопчин не ошибся в выборе. Но он не ожидал также и того, что Федор сразу же гладко, без всяких трудностей войдет в новую роль. Свою основную задачу Бубенцов видит в том, чтобы установить строжайшую трудовую дисциплину. Без нее колхоз не справится с последствиями засухи, не добьется изобилия. Наступают напряженные дни весенних полевых работ, но часть колхозников под разными предлогами отсиживается дома. С этим Бубенцов не может мириться. Он оставляет посреди улицы свой трофейный мотоцикл, на котором раз'езжал по полям, и начинает обход дворов. Крутые меры принимает Бубенцов, а в отдельных случаях он действовал чересчур грубо и даже превысил свои полномочия. Безобразно он поступил в избе Кочетковой. Не так должен был бы держаться председатель правления колхоза. И разве можно согласиться с Бубенцовым, когда он говорит (правда, в запальчивости), что вот такими крутыми мерами он любого лодыря превратит в стахановца?

Промах Бубенцова пытается использовать в своих целях лукавый и криводушный человек Иван Данилович Шаталов.

На образе Шаталова стоит остановиться. Если бы Торопчин, партийный руководитель колхоза, судил о людях по тем приметам, которые сами бросаются в глаза, он должен был отдать предпочтение Шаталову. Еще бы! Шаталов — старый колхозник, человек, как говорится, заслуженный. Одним из первых он вступил в партию, во время войны он пожертвовал крупную сумму на танк. Портрет Шаталова был помещен на видном месте в областной газете. Но все это — только внешний рисунок. Внутренне Шаталов — совсем другой человек — стяжатель, ловчила, осколок старого мира. Родич его когда-то был раскулачен и выслан. Шаталов незаметно завладел его кирпичным домом, его яблоневым садом, и вот эти яблони составили основу благосостояния «передового» человека. Может ли Шаталов болеть за колхоз так, как Федор Бубенцов — резкий, неуравновешенный, но правдивый и честный человек?

Шаталов сумел повести за собой какую-то часть колхозников. Одни поддались обману, потому что не сумели по-настоящему понять Шаталова, другие — ему сродни. Но не окажет Шаталов никакого влияния на тех, для кого судьба колхоза, его успехи — свое кровное дело. Среди них бригадир Мария Коренкова, старый колхозник Брежнев, немного лукавый и замкнутый человек, но рачительный, знающий бригадир, который всегда идет в ногу с передовой агротехникой, комсомолка Дуся Самсонова и многие другие. «...Что для человека всего дороже? То, без чего сам он жить не может. Труд наш! Нет ему цены, нашему колхозному труду».

Так говорит Мария Коренкова в тот вечер, когда в колхоз «Заря» прибыла продовольственная ссуда — грузовики с мукой. Их прислало государство, прислал Сталин. Нет, не сбить Шаталовым с истинного пути тех, кто ощутил радость колхозного труда. Шаталов — в жалком меньшинстве. Торопчин, упорно и настойчиво воспитывая Бубенцова, поднимает его на более высокую ступень осознания государственных интересов. Пусть в колхозе «Заря» уже наметился перелом, но замыкаться в себе колхоз не должен. Надо помочь отстающим соседям. Бубенцов, целиком поглощенный заботами сегодняшнего дня, не сразу понял это. Происходит новый конфликт, более сложный, чем первый. Несправедливо обвинять Бубенцова в том, что он просто «пожадничал». Ему казалось, что колхоз «работает на пределе», что распоряжение Торопчина, который на время отдал часть инвентаря соседям, повредит тому, что с таким трудом, не зная сна и отдыха, наладил, наконец, он, Бубенцов.

Торопчин одержал победу и в этом конфликте. Федор Бубенцов, который назвал свои прежние мысли «коротенькими», признает моральное превосходство Торопчина. В каждом поступке Ивана Торопчина чувствуется зоркий, отзывчивый, твердый партийный руководитель, проникновенный знаток людей. Он сумел распознать Шаталова и свести его влияние в колхозе к нулю. Он угадал в Бубенцове, несмотря на все его ошибки, настоящего организатора, он сумел поставить на ноги и политически воспитывает Бубенцова. Торопчин олицетворяет собой партийное начало в жизни колхоза «Заря».

Много сделали за одну посевную Торопчин и Федор Бубенцов. Но это только начало большой работы. Еще не очень-то богат колхоз «Заря», и если говорить о 1947 годе, то все усилия ушли на то, чтобы ликвидировать последствия засухи. Бубенцов и Торопчин пока лишь мечтают о том, что Сергей Тутаринов — герой «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского — уже претворяет в жизнь. Но минет время, и широкая созидательная работа откроется перед этими людьми. Об этом взволнованно думает Торопчин.

«Вот он, колхоз! Не только амбарами он сплен, но единым сознанием колхозников. И не только стремление к зажиточности об'единяет теперь людей в колхозе, а гораздо более высокая и прекрасная цель!»

Можно отметить ряд отдельных недостатков в повести Юрия Лаптева. Пожалуй, слишком рано полностью раскрыт образ Шаталова. Это в известной мере повредило композиции повести. С эскизной беглостью изображена Васильева, первый секретарь райкома.

В целом же повесть «Заря» — яркое, жизнеутверждающее произведение.

Юрий Лаптев. «Заря». Журнал «Звезда», №№ 5 и 6. 1948 г.

Н. БУРОВ

Бездушная фабрикация

О пьесе М. Козакова „Неистовый Виссарион“

Не случайно Михаил Козаков использовал для заглавия своей пьесы то прозвище, которое либеральные лгуны 40-х годов дали В. Г. Белинскому, — «Неистовый Виссарион». Так не раз называют Белинского и действующие лица, и сам автор. Великий критик выглядит в пьесе каким-то издерганным истериком, чуть ли не одержимым. Говорит он по преимуществу восклицаниями, а для его движений и жестов характерны такие авторские ремарки: «В возбуждении шагнул» или «вскочил обратно».

Речь Белинского смонтирована в пьесе из его высказываний в статьях и письмах, причем метод монтажа заключается, главным образом, в том, что Козаков произвольно рубит фразу Белинского, а отдельные куски ее успащает восклицательными знаками и междометиями. В результате речь эта делается неестественно нервной, — то запинающейся и прерывистой, то взвинченной. Она как бы исходит из уст человека, испытывающего непреодолимое пристрастие к громким, но пустым словам.

Приведем лишь один пример, характеризующий метод Козакова. Белинский писал о «Мертвых душах» Гоголя:

«Творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое... творение необ'ятно художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского быта, — и в то же время глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...»

У Козакова же Белинский говорит: «Готов бить во все российские колокола! Вот он — Гоголь! Воистину, великий Гоголь!.. И они в Москве посмели не пропустить! Скоты, каннибалы! Да это же творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайников народной жизни! Взирай, завидуй. Европа, такому гению... а они хотят положить его в могилу! Ужас! Позор! Злодейство!.. Боже мой, это творение столько же истинное, сколько и патриотическое! Если бы вы только знали, друг мой... Глубокое по мысли... социальное, общественное и историческое...»

Главная беда пьесы Козакова в том, что Белинский в ней не показан, как идейный вождь своего времени. Так, например, драматург пытается нарисовать столкновение Белинского с Герценом, и при этом Белинский изображается в невыгодном свете, так как Козаков обрисовывает их взаимоотношения, в сущности, лишь в период так называемого примирения Белинского с действительностью.

Но более всего искажается исторический облик Белинского введением в пьесу студента Быстрова. Этот герой выступает в роли революционера-подпольщика, автора революционных прокламаций, а Белинский является по отношению к нему лишь сочувствующим. По воле Козакова великий критик прямо заявляет, имея в виду революционные методы Быстрова: «Не моя это стезя». Затем Козаков заставляет Быстрова бежать за границу, где последний предполагает начать издание русских книг. Мало того, Быстров оказывается в Зальцбрунне во время пребывания там Белинского, и притом в роли распространителя произведений Маркса.

Совершенно произвольно выдумав фигуру Быстрова, которому нельзя найти решительно никаких прототипов и аналогий в исторической действительности 40-х годов, Козаков тем самым превратил Белинского в какого-то умеренно-легального деятеля и обывателя, стоящего явно ниже Быстрова, революционера-подпольщика. И в таких тонах изображается великий революционный демократ, стремящийся к открытой революционной деятельности, которая, однако, была еще невозможна в России 40-х годов.

Позиция Белинского в идейных спорах эпохи охарактеризована М. Козаковым крайне поверхностно и неполно. Вовсе не затронута борьба великого критика против славянофилов, почти не показано в пьесе отношение Белинского к западникам-космополитам, отрицание им западноевропейского буржуазного порядка и «культуры».

М. Козаков искажает исторический облик и других персонажей. Так, хитрый жандарм и жестокий палач Дубельт, покорный клеврет Бенкендорфа, превращен им в какого-то проницательного политика и патриота, страдающего за судьбы отечественного судостроения и противопоставляющего себя придворным сферам, перед которыми на самом деле он всячески лебезил и выслуживался. Сподручный Дубельта, бывший гимназический учитель Белинского Попов, испугавшийся после смерти великого критика даже мысли об устройстве лотереи в пользу семьи покойного, в пьесе Козакова передает Белинскому секретные документы о нем, попавшие в III отделение. Наконец, В. П. Боткин изображен Козаковым в таких добродушно-идиллических тонах, что нельзя допустить и мысли, что этот прекраснодушный флегматик был способен злобно клеветать на Белинского.

В примечании к пьесе М. Козаков говорит о «второстепенных неточностях» против хронологии и исторических фактов, допущенных им. Таких неточностей в пьесе действительно множество: особенно произвольно обращается драматург с хронологией используемых им статей и писем Белинского и встреч последнего с теми или иными лицами. Многие из этих неточностей можно было бы простить автору. Однако ему нельзя простить опошления облика великого революционного демократа.

В наше время подлинно хорошая пьеса о Белинском неизбежно стала бы большим общественным и литературным событием. Пьеса же Козакова не вошла и не войдет в литературу. Ибо она представляет собою лишь, если использовать выражение Белинского, драматургическую фабрикацию, более или менее ловко, с ремесленной точки зрения, сделанную, но холодную, бездушную, искажающую истинный облик великого критика.

М. Козаков. «Неистовый Виссарион». Пьеса. Изд-во «Искусство», 1948 г., М., 112 стр.

«Год XXXI» — так называется альманах, выпущенный издательством «Советский писатель». Выходом в свет этого альманаха возобновляется начатое А. М. Горьким издание сборников, художественно запечатлевающих год за годом черты развития нашего социалистического отечества.

В Союзе советских писателей СССР

Планы журнала «Звезда»

Секретариат Союза советских писателей заслушал 13 августа сообщение о работе журнала «Звезда». Представитель журнала Д. Левоневский ознакомил собравшихся с содержанием ближайших номеров. В 8-й книге будет опубликована поэма В. Саянова «Нюрнбергский дневник» и начнется печатание романа С. Воронина «На своей земле» — о колхозниках—переселенцах на Карельский перешеек. Сценарий М. Папавы «Академик Иван Павлов» посвящен, как это видно из его названия, жизни и деятельности крупнейшего советского ученого.

9-я книга журнала открывается пьесой А. Якобсона «Два лагеря». Широко представлена в номере поэзия. С новыми стихами выступят восемь поэтов, в том числе В. Шефнер, А. Решетов, К. Мурзиди.

Роман в стихах Л. Первомайского «Молодость брата» — о первом поколении комсомольцев и повесть Д. Дара «Утро» — о ремесленниках печатаются в № 10.

В дальнейших книгах редакция ознакомит своих читателей с пьесой Н. Вирты «Призрак бродит по Европе», с повестью И. Бражнина — о советском авиаконструкторе. Вера Панова пишет для «Звезды» повесть «Мать», Ю. Герман — повесть о Пирогове, Э. Грин—рассказы о лесорубах. В. Смирнов работает над второй частью романа «Сыновья», О. Форш — над романом о фарфоровом заводе имени Ломоносова.

В кратком обмене мнениями по поводу сообщения Д. Левоневского отмечалось отсутствие принципиальной линии в критическом отделе журнала и в отделе «Трибуна писателя», а также то, что большая часть прозаических произведений, печатаемых в «Звезде», посвящена, главным образом, темам войны и блокады Ленинграда; мирное строительство города Ленина в послевоенные годы не находит своего отражения в журнале. Выступавшие говорили также о недопустимом опоздании выхода журнала.

Секретариат Союза писателей решил устроить в сентябре развернутое обсуждение девяти номеров «Звезды» за 1948 год.

Семнадцатая книга альманаха «Дружба народов»

Пять месяцев назад секретариат Союза писателей обсудил состояние альманаха «Дружба народов» и отметил ряд серьезных недостатков в его работе. Об ошибках альманаха говорилось и в статье С. Евгенова, напечатанной в «Литературной газете» (№ 62, от 4 августа). На-днях вышла очередная — семнадцатая книга альманаха. Она подверглась серьезной критике со стороны выступавших на последнем заседании секретариата товарищей Л. Климовича, Ю. Калашникова, Н. Тихонова, С. Бородина и других, подчеркнувших, что вышедшая книга ни в какой мере не отражает перестройки в работе редколлегии альманаха. Попрежнему случаен отбор художественных произведений, печатаемых в «Дружбе народов», и критических статей; библиографический обзор в книге лишен какой-либо принципиальной установки и рекомендует читателям литературу без всякого разбора и комментариев.

Редакция не знакомит читателей с новыми явлениями в жизни братских литератур: в восемнадцатой книге альманаха будет опубликован роман Ауэзова «Абай», уже напечатанный на русском языке в альманахе «Казахстан» и вышедший на-днях отдельным изданием в Гослитиздате.

Секретариат Союза писателей поручил комиссии в составе Н. Тихонова, П. Скосырева, Л. Климовича, Ю. Калашникова и А. Макарова подробно ознакомиться с портфелем редакции, чтобы наметить меры для дальнейшего улучшения работы альманаха «Дружба народов».

«ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ»

Союз советских писателей СССР в воскресенье 22 августа проведет в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького «День советской поэзии».

На всех площадках парка выступят поэты. В парке будут продаваться книги.

В «Дне советской поэзии» примет участие около 40 поэтов, в том числе — Н. Тихонов, К. Симонов, Н. Асеев, А. Твардовский, А. Жаров, Я. Смеляков, С. Щипачев, А. Софронов, Е. Долматовский и другие.

БОЛГАРСКИЙ РОМАН В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В начале 30-х годов болгарский писатель — рабочий Крум Велков опубликовал роман «Село Борово». В этом романе — одном из лучших произведений болгарской литературы — нашли свое отражение грозные события сентябрьского восстания 1923 года, явившегося «генеральной репетицией» победоносного восстания болгарского народа в 1944 году.

Роман Велкова, впервые переведенный на русский язык, в ближайшее время выходит в Гослитиздате. Книга ознакомит советских читателей с героическими событиями истории дружественного нам болгарского народа.

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ

О конвейере диссертаций

Все ли предложения правильны?

Авторы статьи «Конвейер диссертаций» резко критикуют существующую систему присуждения ученых степеней и предлагают проект ее изменения.

С некоторыми их замечаниями можно согласиться, но многое ими, несомненно, преувеличено.

В статье, например, обойден молчанием тот факт, что не каждая диссертация допускается к защите. Это не даст, конечно, полной гарантии против получения степени недостойными претендентами, но плохие работы до некоторой степени все-таки отфильтровываются. Кроме того, тт. Френкель и Конюс подкрепляют выдвигаемые ими положения ссылками на факты, несомненно, составляющие исключение. Нельзя отрицать, что, как правило, диссертации представляют собой более или менее ценные работы, являющиеся подчас результатом многолетнего труда. Это, я думаю, засвидетельствует всякий, кто в течение многих лет присутствовал на защитах в ученом совете любого вуза. Далее, авторы почему-то считают использование чужих работ, злоупотребление властью и связями специфической особенностью существующей практики присуждения ученых степеней. Это неверно. Существующая гласная защита на открытом заседании, где любой член ученого совета и вообще любой присутствующий может выступить с критикой, неизмеримо опаснее для недостойного претендента на ученую степень, чем любая другая система, лишенная элементов гласности и общественности.

Тт. Френкель и Конюс правильно указывают, что степень надо присуждать не диссертации, а диссертанту, не книге, а человеку, написавшему ее. Это значит, что надо учитывать всю научную работу соискателя, весь его научный путь. Не меньшее значение имеет и морально-общественная характеристика. Ведь ученая степень причисляет человека к коллективу научных работников, а этот коллектив имеет право оберегать себя от морально нечистоплотных людей, от недобросовестных карьеристов. При существующей практике защиты диссертаций эти моменты учитываются явно недостаточно. Здесь, несомненно, необходимо внести коррективы.

Нужно считать также совершенно правильным указание авторов статьи на недостатки существующей системы аспирантуры. Сразу со студенческой скамьи человек получает аспирантуру и через 3 года делается кандидатом наук. Ученическая работа, проведенная по указке руководителя, дает ту же степень, что и плод многолетнего самостоятельного труда зрелого работника. Разве не ясно, что в результате мы получаем две совершенно неравноценные категории кандидатов наук. Аспирантская диссертация в большинстве случаев (за немногими счастливыми исключениями) представляет собой только дипломную работу повышенного типа.

Тт. Я. Френкель и Э. Конюс рекомендуют заменить существующую систему защиты диссертаций другой — оценкой научных работ особым жюри из крупных специалистов. Одно возражение против такой системы уже было мною приведено. Я убежден, что переход от гласного обсуждения к тайному есть шаг назад, а не вперед. Но, кроме того, трудно представить себе, как осуществить на практике предложение авторов. Если для каждой специальности выбирать жюри из «нескольких авторитетных ученых, признанных специалистов в данной области», то очевидно, что на это жюри обрушится лавина диссертаций. Члены его должны будут забросить всякую другую работу и отдавать почти все свое время их рассмотрению. А если допустить, как предлагают авторы, право обжалования решений жюри, то общая нагрузка еще более увеличится.

И, наконец, несколько слов о «пожизненности» присуждения ученых степеней. Авторы предлагают периодически проверять научную деятельность кандидатов и докторов наук с тем, чтобы лишать степеней тех, кто не ведет научной работы. И это предложение представляется мне нежизненным. Нужно себе только представить, какой потребуется гигантский аппарат для того, чтобы систематически проверять научную продукцию десятков тысяч кандидатов и докторов наук! А затем, как обставить эту проверку, чтобы она была высокоавторитетной, независимой, беспристрастной, чтобы в ней совершенно отсутствовали элементы знакомства, личных связей, личного антагонизма, борьбы разных «школ» и многие другие отрицательные явления, от которых, к сожалению, мы еще не освободились полностью? Потребуется сложный аппарат с несколькими инстанциями для обжалования. И все это только для того, чтобы выловить десяток или два почивших на лаврах кандидатов и докторов наук. Овчинка не стоит выделки. Ведь не приходит нам в голову лишать диплома высшего учебного заведения тех, кто не применяет достаточно продуктивно приобретенных в высшей школе знаний. И никакой беды от этого нет. Я думаю, что так же нужно относиться и к случаям, так сказать, «неиспользования ученой степени».

Другой вопрос, могут ли люди, имеющие степень, но творчески не работающие, занимать те или иные должности, требующие научной квалификации. Этот вопрос должен ставиться и фактически ставится во многих случаях. Для этой цели и создаются квалификационные комиссии. Против этого никто не возразит.

Н. ВИГДОРЧИК,
заслуженный деятель науки, доктор медицинских наук.
ЛЕНИНГРАД.

Устаревшая система

В статье «Конвейер диссертаций» поднят очень важный, животрепещущий вопрос. Всем известно, что нередки случаи, когда аспирант вуза или научно-исследовательского института не может без посторонней помощи написать диссертацию. В состоянии ли будет такой «ученый» в дальнейшем творчески работать? Вряд ли! Однако почетное звание на всю жизнь ему обеспечено. Проходят десятилетия, а научный багаж такого кандидата наук попрежнему состоит из одной только кое-как защищенной диссертации. Наряду с этим, если одаренный сотрудник, не имеющий научного руководителя, напишет ценную диссертацию, он, как правило, не может добиться, чтобы ее допустили к защите.

Не секрет, что принятая система защиты диссертаций часто помогает «проскочить» в науку лицам, не способным к творческой работе, но зато имеющим «влиятельных» друзей. Единственным верным критерием для присуждения степени может быть только вся научная деятельность человека в целом.

Особенно ненормальным нам кажется положение, создавшееся в национальных республиках. В Институте истории языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы Академии наук СССР есть научные сотрудники, являющиеся авторами многих опубликованных трудов, но не имеющие ученых степеней. Они выполняют тематические планы института, задания правительства, совершают очень важное для республики и народа дело: составляют словари, многочисленные учебники и хрестоматии по языку, по истории молдавской литературы, молдавского народа и т. д. Но все эти работы по типу своему для диссертации почему-то не подходят. Формально они к науке не относятся.

Нам кажется, что настало время пересмотреть, наконец, коренным образом систему присуждения ученых степеней.

И. ЧЕБАН,
директор Института истории языка и литературы Молдавской научно-исследовательской базы Академии наук СССР, депутат Верховного Совета СССР.
КИШИНЕВ.

Путь ученого

Вопрос о необходимости пересмотра существующего порядка присуждения ученых степеней поднят вполне своевременно. К приведенным авторами статьи «Конвейер диссертаций» примерам ненормальностей, имеющих место в практике присуждения ученых степеней, можно было бы прибавить еще много других.

В Академии наук Армянской ССР защиту диссертаций на степени кандидата и доктора биологических наук принимает об'единенный ученый совет биологического отделения. В состав его входят: ботаники, физиологи, агрохимики, агротехники, генетики, зоологи и т. д. Ученый совет рассматривает диссертации по всем вопросам биологии. В результате, как правило, только очень небольшое число членов его может иметь свое собственное мнение о рассматриваемой работе. Подавляющему же большинству приходится выносить решение только на основании рекомендаций оппонентов.

На самом деле, ведь трудно растениеводу оценить работу зоолога, а микробиологу — работу ботаника. Нам кажется, что было бы лучше, если бы право присуждения степеней предоставлялось ученым советам специализированных научных учреждений.

Мы считаем, что диссертационный метод квалификации научных кадров не следует упразднять, так же как не следует отменять практику публичных защит. Защита диссертации — не «театральная инсценировка», если она происходит перед специалистами. В этом случае она в равной степени полезна как для диссертанта, так и для слушателей.

Мы согласны с авторами статьи «Конвейер диссертаций», что путь ученого нельзя определять только кандидатским минимумом и защитой диссертации. Несомненно, людям, обогащающим науку своей деятельностью, ученые степени могут присуждаться и без защиты.

Несколько слов о «пожизненности» присвоения степеней.

Ученые обычно не задумываются над тем, на какой срок им дана степень. Получив ее, они чувствуют еще большую ответственность перед наукой. Это сознание поддерживается не страхом перед возможной перспективой «потери степени», а чувством долга по отношению к своей стране и любовью к работе.

Случаи же, когда человек после защиты диссертации перестает быть полезным науке, как правило, говорят лишь о том, что степень была присуждена по недоразумению. Нужно, чтобы новая система предупреждала возможность таких ошибок, чтобы степени присуждались за уже достигнутые успехи, свидетельствующие лучше каких-либо других аргументов о творческих возможностях научного работника.

Г. БАБАДЖАНЯН,
кандидат биологических наук, директор Института генетики Академии наук Армянской ССР
ЕРЕВАН.

Николай ТИХОНОВ

Кандальный звон над Италией

Посмотрите на эти снимки внимательно. Это не фотографии мрачных времен пресловутого дуче, не сцены в концлагере типа Майданека или Освенцима, не кадры из голливудского кинофильма, рассчитанного на то, чтобы повергнуть в ужас и смятение кинозрителя.

Нет! Это снимки, свидетельствующие о новых зверствах полицейского провокатора и палача итальянского народа, министра внутренних дел Италии Шельбы.

Когда один за другим грохотали злодейские выстрелы в вождя рабочего класса и трудящихся Италии — Пальмиро Тольятти, полицейские молодчики Шельбы слушали их, равнодушно скрестив руки. Но когда итальянский народ в пламенном протесте выступил против этого злодейства, Шельба бросил своих цепных псов на охоту за демократами по всей стране.

На нижнем снимке карабинеры Шельбы надевают ножные кандалы молодому рабочему. На верхнем снимке пущена в ход последняя новинка — коллективные кандалы. Схваченные люди прикованы к одной цепи. Их гонят по улицам в трагической процессии, которая не может не вызвать самого глубокого негодования против такого разнузданного варварства. В сегодняшней Италии христианские демократы, прикрыв свастику крестом, преследуют патриотов итальянского народа, воскрешая худшие картины фашистских дней.

Закованные — антифашисты, рабочие Сан-Сальваторе. Они из той части страны, где в свое время приезжие заокеанские туристы любовались несравненными пейзажами, прозрачными туманными дымками сиенских далей, фиолетовыми скалами, повторенными на картинах бессмертных мастеров Сиенской школы, любовались белыми колокольнями, с которых слетал на тихие вечерние поля мелодичный звон, так ласкавший слух американских гостей, туристов с бедекерами и фотоаппаратами...

Новые времена — новые фотоснимки. И новые туристы. Только теперь они — временные хозяева этих мирных полей. Это они снабдили молодчиков Шельбы современными автоматами и полицейскими броневиками, это они научили его, как заковывать антифашистов в кандалы по последнему слову империалистической техники. Это способ, употребляющийся в их колониях, где нечего стесняться с туземцами, когда они требуют справедливости и свободы.

При помощи Шельбы свободную Италию янки хотят превратить в колонию, где все способы укрощения строптивых хороши. Склоны горы Амианте полны беглецов, женщин и детей, которые спасаются от кровожадной расправы, бросив свои жилища так же, как это делают филиппинцы, надеясь избежать расправы просвещенных американских гангстеров.

Так вот что приносят новые колумбы, открывшие Европу заново, вот какие плоды просвещения запечатлены на этих снимках, напечатанных в римском журнале «Европео», как обычные иллюстрации к сегодняшней жизни Италии! Военные самолеты патрулируют над городами, парашютные десанты готовы упасть с неба на непокорных, пушки гремят на улицах, по которым проводят страшные процессии закованных в кандалы людей — в новенькие кандалы, не нуждающиеся в марке: «Сделано в Америке». Это и так понятно всем свидетелям этого отвратительного зрелища.

Новые хозяева Шельбы уже не любуются прозрачными дымками сиенских гор. Они любуются собачьей преданностью купленного палача и тем уменьем, с каким он превращает в пустыню городки и села, загоняя мирных жителей в леса, устраивая на них, как на диких зверей, облавы при помощи современной техники.

Вот только кандалы как будто не очень свежее изобретение, и все-таки оно тоже в своем роде усовершенствовано.

Когда немецкие фашисты захватили Чехословакию, они снова превратили замок Шпильберг, бывший когда-то страшнейшей тюрьмой в Европе, из музея в новейший застенок; один вид камер под землей, без окон и дверей, только с лазом внизу глухой стенки, наводил ужас на жертв, брошенных в этот каменный мешок.

Шельба с усердием фашистских садистов воскрешает зверства гитлеровцев, применяя их методы устрашения и расправ, с поправкой на новые модные способы, пришедшие из-за океана. Охоту за демократами он сделал повседневным явлением. Здесь ему годятся и старые и новые фашистские методы. И фашистское оправдание: коммунисты хотят будто бы «организовать восстание». Три года повторяют это хозяева Шельбы, а сегодня он как-никак главный палач.

Шельба, вероятно, чрезвычайно доволен этими снимками закованных по его приказу рабочих. Он хотел бы так заковать весь итальянский народ и провести его по улицам, охраняемым полицейской сворой, под фотоаппаратами любопытствующих буржуазных корреспондентов, гоняющихся за сенсацией.

Да, это сенсация, эти снимки, которые нельзя смотреть без содрогания! Вот куда ведут итальянский народ, на какую Голгофу, вот через какие страдания проходят сегодня те патриоты, которые, покончив с Муссолини и его присными, думали, что они покончили с фашизмом, думали, что никто из фашистских палачей больше не придет. Пришел Шельба.

Его благожелательно похлопывает по плечу мясистая рука Уолл-стрита. Сам папа благословляет его действия против заблудших овец церковного стада. Недобитый фашизм пополняет своими людьми ряды полицейских шаек Шельбы.

И все это называется защитой демократии! Более кровавой и мрачной комедии нельзя и придумать. Даже запроданному реакции Голливуду не опередить в изобретательности Шельбу, который заснял с «натуры» документальную хронику несуществовавшего восстания в районе Аббадиа — Сан-Сальваторе, хронику, призванную демонстрировать «блестящие действия полиции и изобилие средств, находящихся в ее распоряжении».

Но в этой хронике есть и куски правды. Это снимки, о которых мы говорим сейчас. Эти скованные коллективной цепью антифашисты — действительно скованы, действительно схвачены как «повстанцы» провокаторами и тюремщиками Шельбы. Здесь нет преувеличения.

Шельба, как первый режиссер сан-сальваторской драмы, может быть уверен: итальянский народ, не склонивший головы под бешеным натиском реакции, не забудет эти снимки. Свободолюбивое человечество не забудет приобщить их к тем вещественным доказательствам, которые будут положены на стол в день справедливого возмездия, в день народного суда над черными палачами и их заморскими хозяевами. Для справедливости нет границ и нет забвения! Кандальный звон над Италией слышен всему миру!

Испытательный трюк мистера Чифли

Не так давно, в июле, премьер-министр Австралии Джозеф Чифли совершил поездку в Англию. Буржуазная печать уверяла, что этот визит является лишь «новой демонстрацией дружбы и сотрудничества» Австралийского Союза с правительством Соединенного Королевства. Однако некоторые наиболее осведомленные журналисты высказались о целях путешествия Чифли более определенно. Они указывали, что он приехал в Лондон обсудить в первую очередь вопрос о «согласовании действий двух правительств в Юго-Восточной Азии».

На обратном пути Чифли остановился в Сингапуре. Здесь он встретился с английским генеральным комиссаром Юго-Восточной Азии Малькольмом Макдональдом и с английскими военно-морскими руководителями. Макдональд был расстроен неудачами английских войск в Малайе. Он даже жаловался. Дело в том, что «неблагодарные» малайцы никак не хотят понять, сколь великие выгоды сулит им пребывание в их стране английских «цивилизаторов», и доставляют мистеру Макдональду множество хлопот...

Излив свою душу, генеральный комиссар перешел к делу. Макдональд потребовал, чтобы австралийский премьер в соответствии с обязательствами, принятыми в Лондоне, ускорил доставку в Малайю оружия и снаряжения для подавления «коммунистических бунтовщиков».

Однако демократическая общественность Австралии явно не одобряла «визита лойяльности» своего премьера в Англию. Народ осуждал кровавые злодеяния англичан в Малайе и был против того, чтобы Австралию втянули в колониальную авантюру британских империалистов. Поэтому, прибыв в Австралию, мистер Чифли первым делом попытался успокоить общественное мнение. Он заявил, что правительство не отменит эмбарго на отправку оружия из Австралии в любую страну.

Но не успели просохнуть чернила на заявлении Чифли, как австралийское правительство приняло решение... о снятии запрета на экспорт оружия. Представители австралийско-малайской оловянной компании поспешили приветствовать «смелый шаг Чифли». По их мнению, Австралия не только не должна была ждать просьбы англичан, а сама была обязана послать оружие, хотя бы «для личной охраны служащих компании». При этом магнаты олова сослались также на тот факт, что «для ведения борьбы против коммунизма» оружие послано не только Англией, но и Америкой и даже Испанией.

Стараясь скрыть от своего народа правду об отправке оружия, премьер-министр Чифли вынужден был сообщить в Канберре, что в Малайю, по требованию английского правительства, послано только 100 пулеметов системы «Стен» и что они якобы являются собственностью Соединенного Королевства. Но тут же Чифли цинично добавил, что в Малайю отправлены некоторые виды снаряжения, «требующиеся для испытательных целей».

Как ни изворачивается мистер Чифли, ему не удастся скрыть от демократической общественности свою помощь английским колонизаторам в удушении малайцев, борющихся за свободу и независимость.

М. ЮРЬЕВ

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПОЧТЫ

Чудесные превращения одного полковника

Полковник Берит Балкен в течение трех лет был председателем норвежского общества гражданской авиации. На государственные средства он строил крупные аэродромы, предназначенные для посадки тяжелых американских самолетов. Запроектированное им строительство аэродрома в Сулле (близ Ставангера) должно было обойтись в 400 миллионов крон. Строительная деятельность Бернта Балкена носила настолько широкий размах, что она распространялась и на Швецию. Под его воздействием шведское общество «Аэротранспорт», тоже относящееся к «гражданской» авиации, начало строительство крупного аэродрома около Люлео, на Ботническом заливе. Вслед за Швецией наступила очередь Финляндии. Председатель шведского общества «Аэротранспорт» капитан Флорман нашел, что аэродром «Малли» близ Хелсинки не приспособлен «к требованиям момента». Поэтому он и заявил о своей готовности предоставить средства на его усовершенствование (иначе говоря, на переоборудование для приема американских бомбардировщиков).

С совершенно не свойственной норвежцам горячностью Бернт Балкен доказывал, что всякий, кто проложит воздушную трассу — аэродром «Ла Гардия» близ Нью-Йорка — Кефлавик в Исландии — одна из баз в Гренландии — Сулла в Норвегии — Люлео в Швеции — Хелсинки в Финляндии, — окажет истинное благодеяние всему человечеству.

Бравый полковник стал весьма популярной личностью на страницах военной скандинавской печати. Но вот недавно столь деятельный Бернт Балкен неожиданно подал в отставку и исчез из Норвегии. Оставив после себя 50 миллионов крон долгу, который придется выплачивать норвежскому государству, он отбыл в неизвестном направлении.

Вскоре, однако, отыскался след Бернта Балкена. Датская газета «Берлингске Тиденде» обнаружила норвежского полковника в ...американском министерстве обороны. Он возглавляет в министерстве специальный отдел «Северо-Восточная Арктика». Поразительное превращение: бывший председатель норвежского общества «гражданской» воздушной авиации выступает в качестве будущего командующего американским арктическим военно-воздушным флотом.

Впрочем, поразительного здесь нет ничего: американский военный разведчик Балкен свою миссию в Скандинавии выполнил до конца. Он сооружал аэродромы по заданиям американской армии, приспосабливая Норвегию к требованиям «полярной стратегии» США. Теперь он «координирует» оборону северных стран с планами американских милитаристов.

Эдвард ФИАЛКОВСКИЙ

ВАРШАВА

(Письмо из Польши)

Я долго не был в Варшаве. Работа заставляла раз'езжать по стране — из Штеттина в уезды Нижней Силезии, из Карконоши в Домбровский бассейн. В столицу я приехал автобусом из Лодзи под вечер, раздумывая, у кого бы в этом переполненном городе переночевать. Когда автобус с асфальта шоссе в'ехал на мостовую Воли, я вдруг припомнил, что здесь на улице Бема живет мой бывший однополчанин Войтех Варниковский — старый сапер, а теперь, кажется, начальник строительства одного из жилищных кооперативов. Встретив меня однажды в Лодзи, он радушно сказал на прощанье: «Заезжай, брат»...

Через несколько минут мы сидели за столом в крошечной столовой, служившей, очевидно, и кабинетом инженеру Варниковскому, недавно получившему этот титул, обозначенный теперь на дверях его квартиры. Сидели, пили чай и, как водится при встрече бывших фронтовиков, вспоминали прошлое.

— Помнишь, какой была она в январе? — спрашивал меня Варниковский. — Развалины, остатки баррикад поперек улиц. Теперь не то! Вот завтра сам увидишь. Красавица!

— Ну, до красоты еще далеко, — вставила жена Варниковского Нета, архитектор строительной конторы. — Но сделано очень многое...

Они говорили о Варшаве с такой любовью, что я невольно вспомнил поэта Люциана Шенвальда, который во время войны при одном упоминании Варшавы где-нибудь в землянке или деревенской избе словно воспламенялся и мог говорить о ней часами.

Заговорив о Шенвальде, мы с Варниковским вновь пережили весь путь от Ковеля до Вислы и первых домов столицы, вспомнили о том, как началось восстание, в результате которого Варшава фактически перестала существовать.

...В Люблине, в дни, когда Советская Армия и Польское войско стояли у ворот Варшавы, мы услышали передачу на польском языке. Это через лондонскую станцию «Би-би-си» предатели и фашисты Рачкевич, Соснковский, Миколайчик и прочие клеветали на Польское войско и борющийся польский народ. С нами был Шенвальд. Он сидел молча, и только рука его дрожа шарила возле солдатского ремня, словно нащупывала пистолет, чтобы расстрелять лающую полированную коробку трофейного «Телефункена». Передачи лондонских поляков чередовались с шифром: «Анна... десять... папа любит собачку... восемьдесят шесть»...

Через несколько недель по подобному шифру английской радиостанции в Варшаве вспыхнуло восстание. Повстанцы не знали, что их действия не были согласованы с наступлением советских войск, что восстание — это гнусная провокация польских фашистов и их англо-американских хозяев.

Когда в январе 1945 года мы вступили в город, перед нами была не та прекрасная Варшава, которую видел в мечтах отдавший за нее жизнь Шенвальд, а Варшава руин, пепла, обугленных стен, разбитых памятников, вырубленных парков. Казалось, нет силы, которая смогла бы вернуть этот город к жизни. Скептики твердили, что столицу надо перенести, может быть, в Лодзь или в Краков.

Но такая сила нашлась. По призыву Польской рабочей партии правительство заявило, что столицей останется Варшава. Восстановление ее было об'явлено одной из центральных задач трехлетнего плана.

И вот сегодня Варшава отстраивается еще более красивой, чем она была в годы расцвета. Ибо строит ее свободный народ, навсегда сбросивший узы капитализма...

Утром обстоятельства складываются так, что вместо мужа меня везет знакомить с городом Варниковская. Надо сказать, что я совершенно не узнал многих мест, в которых бывал неоднократно. На Воли, Жолибоже, Мокотове, в Старом Място — повсюду строительные леса. Краковское Пшедместье, аллея Сталина, Маршалковская, Злота, Плац Тшех Кшижи и множество других улиц уже подняты из руин. Мост Понятовского — прекрасное сооружение варшавских и силезских рабочих, отстроенный в рекордный срок, надежно соединяет Варшаву с правобережной Прагой. По проекту известного варшавского архитектора профессора Шеленговского воздвигается Силезско-Домбровский мост.

Но главное место в работах по возрождению Варшавы занимает строительство «Восток-Запад», называемое варшавянами «В-З». Это будет главная магистраль столицы. Ее прокладывают через пепелища Старого Мяста.

Масштаб производимых здесь работ (их ведет специальная строительная организация «Бетонсталь») велик. Ежедневно на «В-З» работает в две смены больше 1.000 строителей, располагающих сотнями автомашин и повозок, паровозами, скреперами, под'емными кранами и другими машинами.

Магистраль «В-З», перепланировка улиц, новые сады — вот что характерно для современного строительства Варшавы. На улице Польной создается детский парк отдыха. Работами руководит женщина-инженер А. Шольц. Она стремится создать настоящий оазис для городской детворы. Заново планируются парк на Мокотове, скверы на площадях Нарутовича и Инвалидов. После окончания работ по озеленению в польской столице будет 2.200 гектаров зеленых насаждений — значительно больше, чем она имела до войны.

Варшаву отстраивает вся Польша. Весь народ по призыву Польской рабочей и Социалистической партий — от членов правительства до молодежи, об'единенной в организации «Служба Польсце», принимает участие в возрождении столицы. Всеми работами руководит Главный совет восстановления Варшавы, возглавляемый премьер-министром Юзефом Циранкевичем. Совет, в частности, распределяет суммы, ассигнуемые государством, и средства, поступающие непрерывным потоком от воеводских комитетов восстановления. А суммы, вносимые общественностью, огромны, — они уже превысили 2 миллиарда злотых. Каждый город и уезд считают своим долгом участвовать в этом общем деле. Так, например, самый маленький уезд Нижней Силезии — Быстшица, насчитывающий всего 30 тысяч жителей, внес около 1.800.000 злотых.

Варшава сегодня живет полнокровной жизнью. На углу Маршалковской и Ерузалимских аллей, возле гостиницы «Полония», продают удивительные варшавские цветы, подобных которым я не встречал нигде. А напротив гостиницы строится новый вокзал, на месте прежнего. Опять высится памятник Копернику на площади перед университетом.

Открыта Национальная картинная галлерея, руководитель которой профессор Лоренц во время оккупации спасал бесценные произведения Яна Матейки, Войтеха Коссака и других выдающихся художников. В музее Польского войска собраны многочисленные экспонаты по истории народно-освободительного движения.

В городе работают 11 театров и 8 кино. Недавно получила новое здание Варшавская консерватория, в которой учились Шопен и Падеревский. Теперь в ней сосредоточены лучшие музыкальные силы. Консерватории переданы прекрасные музыкальные инструменты, в частности, подарок Быстшицы — замечательный орган из 700 трубок. Быстро восстанавливаются университет, высшие и средние школы, технические училища...

600.000 жителей Варшавы имеют уже широкие возможности для удовлетворения своих культурных запросов.

Напряженно идет и политическая жизнь столицы. Варшава, как ни один другой город Польши, является в наши дни ареной острой борьбы. В одном лагере — все передовое, во главе с Польской рабочей партией, в другом — остатки бывшей пилсудчиковской санации, «крестьяне с Маршалковской», как прозвали польские газеты приверженцев пана Миколайчика — владельцев роскошных ресторанов, конфекционных и ювелирных магазинов, субсидировавших его «деятельность», направленную против собственного народа, — все те, кто еще оглядывается на пресловутую «западную демократию» англо-саксонских держав и втайне вздыхает о потерянных возможностях спекуляции и наживы, заманчиво мелькавших перед ними в «плане Маршалла».

Тайные нити тянутся от посольского особняка на соседней аллее Роз. Они чаще всего обнаруживаются на процессах террористов из подрывных фашистских организаций, процессах, показавших народным массам подлинное лицо англо-американской дипломатии и ее прислужников, руки которых запятнаны кровью десятков и сотен польских рабочих и солдат-демократов.

На аллее Сталина стоит высокое здание Центрального комитета Польской рабочей партии. От здания ЦК ППР расходятся нити во все уголки Польши — нити, всеми видимые, по которым народу передается горячее стремление сделать свою родину богатой, счастливой для всех граждан.

В здании ЦК Польской рабочей партии идет напряженная работа. Здесь люди, которым народ доверил заботу о своем будущем, работают над проблемами сегодняшнего и завтрашнего дня. Отсюда в сейм идут проекты и предложения, укрепляющие демократический строй, помогающие стране поднять уровень промышленности, строить на новых началах сельское хозяйство. Сюда, к товарищу Веславу, как называют Гомулку рабочие, к Замбровскому, Мазуру и другим руководителям ежедневно приходят десятки трудящихся, видящих в ППР ведущую силу Новой Польши. Деятельность Польской рабочей партии, партии марксистско-ленинского типа, направляющей страну по пути социализма, привлекает к ней тысячи новых сторонников.

Показывая Варшаву, Варниковская обратила мое внимание на проходивших мимо молодых греков и китайцев:

— Это — с международной конференции рабочей молодежи. Делегаты от 46 стран, представляющие 45 млн. молодых людей мира, совещаются здесь сегодня, говорят о своей судьбе. Развалины Варшавы напоминают им о том, что приносит человечеству империализм. Ее возрождение показывает, на что способен народ, освобожденный от ярма социального рабства.

ВАРШАВА. Август.

Андрей КОЖИН

Змеиное гнездо

В довольно старом и неприглядном здании на Четвертой авеню в Нью-Йорке помещается контора, на дверях которой красуется вывеска с надписью: «Толстой фаундэйшн» — «Фонд имени Толстого».

В задней комнате, представляющей собой кабинет, за письменным столом, — на нем обычно заметны остатки пищи, — можно видеть обрюзгшую старуху, лицом несколько напоминающую жабу. Это — бывшая графиня Александра Львовна Толстая, к сожалению, — одна из дочерей великого русского писателя.

Александра Львовна никакими талантами не обладает, если не считать способности самым бессовестным образом спекулировать на имени своего отца. Этим она и промышляет уже много лет; с этой целью ею и ее соучастниками и был основан так называемый «Фонд имени Толстого», в уставе которого предусмотрительно указано, что он создан для помощи культурным силам.

Деятельность «фонда» особенно развернулась перед самой войной, точнее — после мюнхенского сговора.

Приблизительно в это время Александра Толстая, выступая перед профессорами и студентами Харвардского университета с лекцией о Толстом, о России и еще кое о чем, закончила ее патетическим возгласом: «Боже, боже! Подай нам войну... войну!.. войну!» Из предыдущего было совершенно ясно, что к войне она призывает не «вообще», а только против «России», которую, по мнению Толстой, только война может освободить от ненавистных бывшей графине большевиков.

Так незадачливый лектор-«пророк» выболтал чаяния и надежды всех «мюнхенцев» как американских, так и неамериканских.

В ответ раздались жидкие, как бы недоуменные аплодисменты и довольно явственное шикание. Вслед за тем на эстраду поднялся профессор Гарри Лонгфелло Дэна, потомок знаменитого американского поэта и специалист по русской литературе, и гневно сказал:

«Какой трагический парадокс! Дочь русского гения и принципиального противника войны, спрятавшись в складки его мантии, призывает к войне против России!»

Когда в Нью-Йорк пришло известие о том, что немецкие войска заняли в 1941 году Ясную Поляну, Александра Толстая осмелилась заявить, правда, в кругу друзей: «Слава богу! Наконец, в кабинете отца сидят культурные люди!»

Пожалуй, этих двух злобных высказываний достаточно, чтобы совершенно точно представить себе моральный и политический облик этой содержательницы белобандитского притона, усердной американской и японской шпионки, покровительницы военных преступников и диверсантов.

«Толстовский фонд» в свое время получил в подарок от богатой американки ту самую ферму «Рид фарм», о которой упоминали в связи с последними событиями телеграммы ТАСС. На этой ферме, расположенной в уединенной лесистой местности близ городка Сofферн, вверх по Гудзону от Нью-Йорка, предполагалось создать приют для русских детей. Но в результате стараний все той же Толстой и ее окружения ферма превратилась в конспиративную квартиру и своеобразный «приют» для всякого рода темных, подозрительных элементов, связь которых с американской охранкой вне всяких сомнений.

«Политическим советником» Толстой стал бывший министр временного правительства, эсер Зензинов, а ее ближайшей помощницей — авантюристка баронесса Шауфус, связанная родственными узами с бывшим царским министром путей сообщения. Через Зензинова и были установлены тесные отношения с матерыми реакционерами и антисоветскими клеветниками, вроде журналиста Юджина Лайонса, и далее — с редакцией махрово-провокационного журнала «Ридерс дайджест».

Наряду с американской охранкой на это змеиное гнездо обратили благосклонное внимание такие реакционные конгрессмены, как сенаторы Уилер и Рейнольдс и член палаты представителей Фиш. Они неизменно покровительствовали «фонду».

Еще до освобождения Европы от гитлеровских захватчиков «фонд» (при содействии немцев) начал отправлять посылки с продовольствием разного рода антисоветским «знаменитостям» во Франции и даже в Германии.

Архиепископ нью-джерсийский Виталий, от'явленный гитлеровец, связал Толстую с фашиствующими церковниками в Баварии и других местах. Постепенно все эти лица стали прибывать на жительство в США, конечно, при полном содействии государственного департамента, также оказывавшего «фонду» и возглавлявшим его проходимцам полную поддержку.

Явно выполняя задание соответствующих кругов, «фонд» занялся вербовкой и политической обработкой лиц, насильно угнанных гитлеровцами в рабство и ныне находящихся в Западной Европе. Этим зачастую не искушенным в политике людям, стремящимся к возвращению на родину, посылались лживые письма, вполне похожие на антисоветские прокламации; для пущей убедительности к письмам прилагали — за недостатком других аргументов — грошевую пудру и копеечные побрякушки, что, очевидно, должно было свидетельствовать о «роскошной» жизни в США и внушить получателям писем мысль об отказе от родины.

Постепенно на «Рид фарм» стали стекаться проходимцы из всех углов Западной Европы. Их обрабатывали по заданиям американской разведки и готовили из них шпионов и диверсантов против СССР.

Последние события на «Рид фарм» с предельной ясностью установили, что «фонд», кощунственно названный именем Толстого, является попросту своего рода филиалом американской охранки, а все причастные к нему лица состоят у нее на службе и содержании.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

◆ Местные органы власти в г. Форарльберге (Австрия) запретили недавно распространять журнал «Скулпост», издающийся на английском языке, за то, что в нем было изложено учение Дарвина о происхождении видов, а библейская история об Адаме и Еве была названа легендой.

◆ Токийский муниципалитет занят изысканием средств на покрытие новой большой статьи расхода. Речь идет об «очистке» метрополитена от ночующих там нищих и бродяг, на что уже потрачено 1.670.000 иен.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б — 02647.